

ВАСИЛИЙ КЛЕНИН

ТЕОТАЛЬ

—СУХОРУКОВ—

Василий Кленин
Теотль Сухоруков

«Автор»

2023

Кленин В. Н.

Теотль Сухоруков / В. Н. Кленин — «Автор», 2023

Пятая книга застаёт нашего героя Сухую Руку в неудобном положении. Он столкнулся с главной силой региона – империей ацтеков – и кажется, что в этом столкновении он лишился всего. Но мы-то с вами понимаем, что главные герои книг так просто не гибнут... Хотя, с другой стороны, это ведь Сухоруков. Давайте вместе узнаем, что случится с попаданцем к индейцам Мезоамерики в пятом томе цикла.

© Кленин В. Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	27
Глава 9	33
Глава 10	38
Глава 11	43
Глава 12	48
Глава 13	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Василий Кленин Теотль Сухоруков

Глава 1

Проснулся. Темно. Ночь. Еще ночь, хвала всем богам! Ночью за мной не приходят. Ночью я им не нужен. Могу спокойно гнить себе в яме, надеясь на смерть. Как же я жду ее.

И как боюсь дня.

Потому что днем они придут. Могут прийти. Мои палачи приходили не каждый день, но никакой последовательности в их приходах не было. По крайней мере, я не мог ее высчитать. А потому каждый новый рассвет, что пробивался сквозь махонькие окошки в стенах над моей ямой, нес мне одинаковый ужас. И равный шанс похода к пыточному столбу.

Поначалу они вообще не приходили. Поначалу... Я даже не возьмусь посчитать, как давно оно было – это поначалу. Как будто, миллион дней назад. Миллион жутких дней, полных страха, а иногда – адской боли.

А, может, и месяца не прошло. Не знаю. Я давно перестал считать. Только лишь раз за разом ждал ночи и боялся рассвета.

Но еще помнил, как всё это начиналось. Как меня связали во дворце поганца Косийоэсы, а потом отволокли в покои, где разместились астеки, приглашенные Рыбоглазым. «Великого владыку» небрежно швырнули в какой-то угол на груду мешков с чем-то. Я всё еще не мог поверить в случившееся. Паникующее сознание пыталось найти щадящее оправдание случившемуся. Я наивно надеялся, что молодой кокуитао одумается, поймет, какую глупость совершит и лично поспешит развязать мои путы и извиниться. Мозг отказывался принимать простую мысль: астеки меня точно не отдадут. Никакому Рыбоглазому.

Потом я ждал, что вот-вот... ну, вот сейчас! Ну, теперь уж! Что в наш сумрачный плохо освещенный зал ворвется Серый с товарищами, разметает врагов и спасет меня!

Ну, пожалуйста!..

Никто не врвался. Я старательно гнал от себя мысли о том, что мои друзья уже давно мертвы. Хотя, именно так оно, скорее всего, и было.

Через пару дней меня молча подняли на ноги, вывели во двор и привязали к палке. К палке, к которой уже было привязано около десятка пленников. Невероятно, но я почувствовал себя задетым. Я тут кто им вообще?! Знатный и почетный пленник или один среди многих?

Мало того, что в плен взяли, так еще и унизили.

Среди пленных не оказалось ни одного из наших. Все – незнакомые сапотеки. С одной стороны, я был рад, что мои люди в плен не попали, но с другой – мне так не хватало хоть кого-нибудь, с кем бы я мог разделить свою беду. Было очень страшно. И показное равнодушие астеков пугало сильнее криков ненависти. Они вообще вели себя со мной, как с вещью. Всё! Отработанный материал, доволочем, куда следует, и сдадим. Во мне не видели личность, даже врага уже не видели.

Корм для богов.

И я готов был обделаться от ужаса. Только вот меня два дня ничем не кормили.

Колонна вышла из Саачилы-Йоо и двинулась на север. Где-то впереди покачивался единственный паланкин, на котором восседал племянник атекского правителя – здоровяк Макуильмалиналли. Он тоже меня в упор не замечал. Ехал себе и что-то лениво жрал с блюда, которое несли в руках рядом с паланкином.

За день мы добрались до Уашкаякака. Я сам тут не был, но единственным крупным городом так близко от Саачилы мог быть только он. Да и куда еще идти астекам? Колонна воинов и

носильщиков прошла по предместьям, зарулила на площадь, где высился единственный храм. Пирамида невысокая – не больше нашей в Излучном, хотя, украшена резьбой намного богаче. Тут уже и толпа собралась: я по одежде различал, как сапотеков, так и астеков.

Нашу палку с пленниками повели прямо в сторону алтаря – тут-то мои ноги и похолодели от ужаса. Размалеванные ярким красками, богато украшенные жрецы кинулись к пленникам, быстро отвязали одного из них и по боковой лестнице потащили несчастного наверх. Парень бился свежесловленной рыбой, но жрецы оказались на диво крепки. Пленника – за руки за ноги – ловко растянули на алтаре... И вот тут я впервые увидел, как астеки почитают своих богов.

Старший жрец подошел к телу и поднял руку с внушительным обсидиановым ножом. Конечно, никто никакие грудные клетки не пробивал. Я уже достаточно насмотрелся на убийства в этом мире, чтобы понимать: грудину не так просто проломить. Уж обсидиан точно сломается.

Резким движением жрец распорол живот, у самой диафрагмы. Под вопли жертвы что-то еще порезал внутри живота, а потом сунул в рану руку. Чуть ли не по локоть! Пошарил, дернул – и вытащил на свет истекающее кровью сердце! Несколько артерий веревками свисали вниз, заливая руку жреца темным и густым. Тело жертвы мелко тряслось, конечно, уже совершенно бесшумно.

Жрец поднял руку высоко вверх, а толпа внизу ликующе засвистела, закричала. Астеки что-то пели... Я явно видел, что и многие сапотеки тоже радовались удачной жертве.

– Истли вознеслась и воссоединилась с солнцем, – услышал я голос за спиной. – Сегодня наш мир не погибнет.

Я обернулся: подле меня стоял Пятая Трава, племянник уэйтлатоани. И мой хозяин.

– Не трясись, владыка, – улынулся Макуильмалиналли. Почти по-доброму. – Ты сегодня не умрешь. У твоей крови особый вкус. Мы дадим тебя попробовать самому Уицилопочтли.

Говоря это, астик тонким ножом прокалывал обе мочки своих ушей. Кровь неожиданно сильно стала течь на его плечи.

– Ты уж потерпи, Хуакумитла, – добавил он после паузы.

Краем глаза я видел, как многие в толпе тоже начинали себе что-то прокалывать, резать, пуская кровь во славу богов. Ужасно! Я уже успел отвыкнуть от этой ритуальной кровищи. Да и не привыкал никогда: в самые худшие годы у четлан всё происходило не столь кроваво.

Тело жертвы с мягким стуком покатилося по лестнице храма. Жрецы швырнули его прямо вниз, к толпе. Люди заголосили с новым неистовством!

«Неужели они сейчас будут его есть?» – ужаснулся я, вспомнив, что в том мире много раз читал о каннибализме астеков.

По счастью, толпа не впиалась когтями и зубами в еще не остывшее тело. Его подняли за руки и ноги и унесли за храм. Нас потащили закоулками куда-то прочь, пока не вывели к просторному подворью, огороженному крепким глиняным забором. Меня отвязали от остальных пленников и повели к большому темному зданию. Я уже сто раз пожалел о своем прежнем нытье: оказывается, когда тобой пренебрегают – это не так уж и плохо. Теперь я снова остался один. Немного утешало то, что, со слов Пятой Травы, в ближайшее время меня не убьют. Такую вкусную кровь, видимо, прольют только в Теночтитлане. И на большой праздник.

Я, словно, редкая бутылка вина – не для рядовой пьянки.

Странное утешение: тебя убьют не сегодня, а чуть-чуть попозже. Просто отложенная смерть. Хотя... разве не все мы живем в такой ситуации? Просто мой конец выглядит немного более определенным.

Мы шли по коридорам большого здания, пока охранники не подвели меня к дверному проему. Один из них старательно развязал веревку, опутывающую мои руки и шею, а потом резко толкнул в спину. Чтобы не упасть, я сделал пару торопливых шагов вперед. На третий

нога внезапно провалилась, не найдя опоры – и я с воплем полетел в яму. Упал неудачно: прямо на скрюченную правую ручонку. От боли в глазах вспыхнул свет! Я скукожился на полу в позе эмбриона и заскулил, поглаживая свою культяпку.

Постепенно глаза привыкли к темноте. Я понял, что нахожусь в обычной земляной яме, которую выкопали прямо внутри комнаты. Довольно просторной – шага по четыре в длину и в ширину. Под самой крышей на одной из стен обнаружилась пара маленьких горизонтальных окошек, которые дарили моему узилищу немного света. Яма довольно глубокая – вряд ли я смогу допрыгнуть до верхнего края. Но, даже если допрыгну – мне не вылезти наверх с одной рабочей рукой. Можно, конечно, попробовать выколупать ступеньки в стене...

Я горько усмехнулся своим монтекристовским планам. Какая чушь! Ну, куда я денусь, когда кругом астеки! Туннель бы еще предложил прокопать – за самый Уашкаякак!

Глава 2

В черноте дверного проема появился человек. Он небрежно махнул рукой, и в яму что-то упало с глухим стуком. Я на четвереньках подполз на звук и разглядел очень грубую глубокую деревянную миску. Она лежала на полубоку, и из нее медленно вытекало нечто густое. Быстро подхватил посуду: внутри оказался тягучий, омерзительно выглядящий клейстер из разварившейся кукурузы.

Но я не ел три дня.

А потому стал жадно хватать и пихать в рот совершенно несоленое варево. Прямо рукой – никаких ложек, конечно, не было. Прямо грязной рукой.

Ведь я не ел три дня...

– Шикалли! – грубый окрик разбудил меня утром.

Я разлепил глаза и испуганно вжался в стенку тюрьмы. Над ямой стоял стражник – новый, незнакомый.

– Шикалли! – еще более строго рыкнул он, недвусмысленно тыча пальцем в пустую миску.

Пустую и вылизанную до блеска.

Даже моих скромных познаний в языке науатль хватило, чтобы понять, чего хочет астик. Я подобрался к деревяшке и аккуратно подкинул ее вверх. Астик ловко схватил посуду – буквально, вынул из воздуха – и молча ушел. Где-то через полчаса он вернулся с уже полной миской и маленькой тыковкой с водой. Кукурузная каша вновь оказалась отвратительной на вкус, но она набивала желудок – и это уже неплохо.

– Можно жить! – горько усмехнулся я, запивая клейстер затхлоЙ водой. – Могло быть и хуже...

Как же я ошибался.

Меня не трогали дня три. За это время мне удалось отдохнуть, даже каких-то сил набраться. От безделья я начал заниматься такими глупостями, как зарядка и вынашивание планов побега. Снова вернулись фантазии о том, что мои люди вот-вот освободят меня, разобрав по бревнышку этот чертов Уашкаякак. Глупец.

В разгар дня у ямы снова появился стражник. Я напрягся: обычно он появлялся только утром и вечером. Воин спустил в яму не очень толстое бревно с зарубками.

– Яу тлапак! – бросил он.

Лезь навверх. Я осторожно подошел к бревну. Астик крепко держал верхний конец, и я принялся карабкаться. Подняться удалось с первого раза, и я почему-то очень обрадовался этому. Почувствовал, что это добрый знак...

Меня вывели во двор, где собралась уже приличная толпа. Все астеки – явно знатные воины. Я плохо разбирался в их символике, но аристократа определить легко. Некоторые были одеты в плотные «комбинезоны»: черные, синие или желтые с «ягуаровыми» пятнами. Меня подвели к вкопанному в землю столбу, поставили спиной, завели руки – и крепко привязали.

Я запаниковал. Будут допрашивать?

Макуильмалиналли, кстати, был среди прочих. Тоже нарядный. Веселый. Он о чем-то оживленно общался с соседями, даже не глядя в мою сторону. Лишь, когда все подготовительные работы завершились, родич уэйтлатоани посмотрел на меня. Улыбнулся краем рта. Подошел.

– Тлатекуини! – коротко скомандовал он, не отрывая от меня взгляда, и протянул руку в сторону.

Нож! Чего он хочет?

Стражник моментально вынул из-за пояса тумбажный (тумбажный!) нож и вложил его в руку вельможи. Пятая Трава подошел ко мне вплотную... и ухватился свободной рукой за рубаху. Грязную, затасканную.

Взмах – и одежда легко распоролась надвое. Еще взмах, еще – лоскуты моей рубахи падали на землю. Астеки зацокали – не ожидали, видимо, что у калеки окажется такая развитая мускулатура. А я тренировок не прекращал. В пути из Четландии было не до этого, но в Эхутле снова активно занялся физухой... Видимо, чтобы удивить атекских воинов.

А Макуильмалиналли не останавливался. Нож нацелился на набедренную повязку (я пытался создать что-то вроде нормальных трусов, но выходило не очень). Острое лезвие прижималось к телу – и меня пронизывал холодный ужас.

В итоге я оказался совершенно голым. Крайне неприятное ощущение. Десяток мужиков спокойно разглядывали меня, а я же не мог оторвать взгляда от ножа. Когда Пятая Трава вернул его стражнику – даже не смог сдержать вздоха облегчения. И, видимо, поэтому проглядел следующее движение.

Черт его знает, как в левой ладони вельможи появилась колючка агавы. Но внезапно тот подшагнул и схватил меня за член. Прямо рукой! Схватил, не смущаясь, и потянул! А потом с размаху воткнул шип прямо в него. Прямо в мой хрен! По самую «шляпку»!

Я заверещал и задергался, как недорезанная свинья! Забыв о каком-либо лице. Заверещал больше от страха, чем от боли. Как?! Как такое вообще можно сделать!

– Нет! Отпустите! – завопил я, а тут еще и волна боли накрыла. – Ааааа!

Макуильмалиналли смотрел на меня, кривя лицо. Видимо, не такой реакции он ждал от владыки. Но мне было плевать! Мне больно и страшно! Ужасно больно и невыносимо страшно! Если бы он мне нож в пузо засадил, я бы так не испугался. Но он проткнул мой член! Мое самое естество...

Астек снова потянулся к паховой области. В ужасе я забился еще сильнее.

– Амо! Амо! – закричал я на науатле, наивно надеясь остановить царского родича.

В ответ почти сразу получил мощную затрещину по лицу. Это было сильнее, чем прошлый удар маки. Боль вспыхнула и расцвела ядерным взрывом в моей голове. Я снова заскулил, а ловкая рука астека уже выдернула колючку из члена. Из паховой области обильно потекла кровь.

Я перестал дергаться. Голова моя повисла и только подрагивала от всхлипов, между которыми я тихо просил их остановиться – на всех языках, которые успели поместиться в моей голове.

Только это был еще не конец. Нож снова оказался в руке Пятой Травы, и тот легким движением полосанул им по моему правому боку.

– Никтекуи! – торжественно взревел Макуильмалиналли.

Клинок мерзко царапнул по ребрам, кожа разошлась – и вот тут я понял, что такое боль! Оказывается, до этого была фигня! Даже колючка в члене не шла ни в какое сравнение с тем жгучим пламенем, которое запылало на моем теле. У меня были раны, но я даже не подозревал, что в разных местах тела боль может быть настолько разной. Края раны расходились – и меня словно током било. Я орал, только ухудшая ситуацию: крики требовали глубокого вдоха, а от этого рана расходилась еще сильнее. Пришлось изогнуться вправо, чтобы сжать разрез – а родич уэйтлатоани в тот же миг полосанул ножом по левому боку.

– Умоляю, остановитесь! – заорал я уже по-русски, забыв обо всем. Только остановитесь! Остановитесь!

Астеки обступили меня. Они погружали пальцы в раны (по счастью, неглубокие) мазали кровью лица. От моих извивов и кривляний они морщились, пару раз пытались успокоить меня затрещинами, но я их игнорировал: боли было так много, что хуже уже не будет. Оставалось только орать, рыдать и умолять всё прекратить.

Самое ужасное, что я ничего не мог для этого сделать. Они ведь не пытали меня, не задавали вопросы. Да я всё бы им с радостью рассказал, все тайны открыл, всех сдал!.. Но им ничего не надо было. Они просто истязали меня. Просто кромсали тело, тыкали пальцами в раны, сладострастно обмазывались кровью.

Это был ад. Это было гораздо хуже любого ада.

Как назло, я не терял сознание. Мое сознание полностью разделило страдание с телом. Каждую каплю боли.

Пытка длилась целую вечность. И плевать, что солнце за это время едва сдвинулось на своем равнодушном пути по небосводу – для меня прошли годы. Долгие и самые ужасные в моей жизни годы. Пока, наконец, Макуильмалиналли не махнул руками в стороны, отгоняя своих вельмож.

– Маукатлакатель, – разочарованно сцедил он в мой адрес единственное слово.

Трус? Да плевать... Я не вырос в вашем адовом мире, я не привык и не хочу привыкать к вашим бесчеловечным традициям. Будьте вы все трижды прокляты!

Какие-то служки отвязали меня от столба, и я без сил сполз прямо в грязь под ногами. Грязь, образованную от пыли и моей крови. Но мне было плевать. Я лежал на земле, скрючившись, весь вымазанный в грязи, крови, соплях и слюнях, и молился – пусть всё закончится. Всё равно каким образом – главное, пусть наступит конец. Я не могу, не могу больше этого выносить!

Когда служки, даже не пытаясь поднять меня, просто взяли за руки и поволокли куда-то по земле – я решил, что боги всё-таки есть. И молитва моя услышана.

Но я снова ошибся.

Глава 3

Эти самые служки оказались чем-то вроде знахарей. Или мелких жрецов. А, скорее всего, и тем, и этим в одном флаконе. Они протерли мое тело каким-то отваром, а потом напихали прямо в раны вониючую густую смесь. Через пару минут мое тело горело чистым огнем. Я орал и бился в их руках, не давая себя связать. Особенно полыхал член – мне хотелось собственными руками оторвать его и выкинуть. Как же ужасно, когда нет никакой возможности прекратить боль!

Где-то через час-другой меня отволокли к моей яме-тюрьме – и мешком бросили вниз. Как был – голого, израненного. Я лежал, осмысливая свой новый мир: рухнувший, разбившийся, разорванный на мелкие клочки... А вечером мне, как ни в чем не бывало кинули новую миску с отвратительным несоленым варевом – и я нашел в себе силы подползти к миске! Подползти и трясущейся грязной рукой запихать в рот холодный клейстер.

Как же омерзителен человек в своей жажде жить. Жить, несмотря ни на что.

– Шикалли! – началось новое утро. Первое утро, которое я встретил с ужасом. Ужасом от ожидания новых пыток.

Но на этот раз пронесло. Меня не вызывали из ямы. А вониючая мазь оказалась эффективной: раны горели огнем, но следов воспаления не было. Кормили меня редко, но обильно – так что даже клейстер потихоньку восстанавливал силы.

Оказалось: даже так тоже можно жить.

Я промыслил последнюю мысль и тут же яростно залепил себе пощечину. Нельзя! Ни за что нельзя жить так!..

Правда, через два дня в мою яму снова спустили бревно с зарубками. И весь ужас, упиханный заботливым разумом на максимальные глубины памяти, моментально всплыл на поверхность. Я забился в дальний угол ямы, бормоча:

– Амо... Амо... Амо... Амо... Амо...

Пришлось страже спускаться вниз, залепить мне несколько крепких затрещин, чтобы я перестал брыкаться и кусаться, и силой выволочь наверх. Мои подозрения оказались небеспочвенными: меня снова ждал столб для истязаний. И в этот раз всё было во много раз хуже, чем в прошлый. Я знал, я ждал всех тех ужасов, так что провонял страхом всё подворье еще до того, как нож коснулся моего тела. Трус во мне упорно отказывался принимать неизбежную боль, тело дергалось, отбивалось, поэтому астекам сперва пришлось крепко избить меня, чтобы я начал «достойно» принимать положенное.

И так стало происходить раз за разом. Иногда несколько дней подряд, иногда я получал пару-тройку дней «отдыха». Всегда по-разному. Макуильмалинали мог воткнуть мне нож в плечо или начать резать щеки. Или заставлял высунуть язык и протыкал его каменным шилом. Это было самое страшное: когда ты сам должен что-то делать для того, чтобы тебе потом причинили жуткую боль. Всё тело вопит: нет, не смей! Но тебя уже так подавили, что ты не сопротивляешься. И сам смотришь на себя с изумлением (как будто со стороны): ты действительно делаешь это?!

Главный ужас в том, что к этому невозможно привыкнуть. Панический страх наполнял меня каждый раз. И он только нарастал, потому что я начинал готовить себя к нему с самого рассвета. Страх оказался хуже, чем боль. Он разъедал меня изнутри. Я становился его рабом. Превращался в зверя, которым командует его страх.

Только ночи, только накатывающая темнота давали мне какое-то утешение. Тьма и уединение – в этом сконцентрировалось всё мое понимание счастья. Сиюминутного жалкого счастья оскотинившегося от постоянной боли человека. Мне кажется, астеки смогли бы легко

выдрессировать меня. Я бы с радостью исполнял любые трюки, делал самое унижительное – только им это не было нужно. Они хотели лишь причинять мне боль. И мою кровь.

Я слегка ошибся, назвав себя редкой бутылкой вина. «Вино», конечно, было элитное. Только бутылка конечна. А я мог вырабатывать кровь еще и еще. Корова, дающая священную влагу. Как долго они смогут меня доить? И честно ли это, прятать такую жертву от Уицило-почтли?

На самом деле, тогда я не задавался этими вопросами. Просто радовался ночи, опасался дня, жрал клейстер и в ужасе пытался зарыться в землю, когда в яму опускали бревно.

Точно также я поступил и в этот раз. Бревно стукнуло комлем о дно ямы, а я уже верещал в ужасе в самом темном углу. Обычно, за этим следовали побои.

Но не сегодня.

– Тлапак! Тлапак! – настойчиво звал меня наверх стражник. Будь я в норме, то сразу заметил бы его непривычную взволнованность.

Он еще что-то говорил, и только раза с пятого в мой затуманенный разум проникла фраза: столба не будет, боли не будет!

– Правда? – прошептал я на науатле.

– Нельтилицтли! Правда! Лезь наверх! – стражник проявлял просто чудеса терпимости.

Едва я оказался наверху – меня споро связали. «Обманули!» – вспыхнуло в голове, я судорожно забился в путах... Удивительно, но меня даже не стали бить. Просто дернули за веревку и потащили на двор. Солнце – отвратительное яркое – принялось царапать меня своими лучами. Во дворе мельтешила куча народа, но до моей персоны никому дела не было.

Неужели, правда? Неужели меня сейчас не станут кромсать ножами?

Предательские слезы снова потекли по моим изрезанным щекам.

Уже до обеда большой караван вышел из Уашкаякака и двинулся вдоль Атояка. На север. Это был не совсем караван. Конечно, кругом хватало носильщиков с огромными тюками и корзинами, но почти половина народа – это были воины. Не меньше сотни. Мой страх слегка притих, и робко проклюнулось почти умершее любопытство. Воины богато украшены, почти все носили звериные маски-шлемы. У некоторых в руках поблескивали копья с тумбажными наконечниками. Но основная масса несла здоровенные маки.

Меня на этот раз не стали привязывать к палке и вообще вели отдельно от всех. Руки, тело, шея – были связаны несколькими веревками. Вокруг меня шли четверо воинов, и каждый держал в руках свой конец веревки. Так что меня можно было легко дергать в любую сторону. В глаза бросились их необычные щиты. Конечно, заметно меньше, чем у Черного воинства, но всё равно намного крупнее тех, что я раньше видел у местных индейцев. От нас переняли? Или астеки и сами такое умеют?

Отсутствие ямы, дорога, уводящая дальше и дальше от большого города – всё это оживляло меня. Люди вокруг по-прежнему внушали ужас, но, когда идешь бок о бок с ними несколько часов – даже к ужасным людям можно привыкнуть.

Первая ночевка прошла в маленьком городке, меня запихали в темный чулан, забыв покормить. Однако, даже валяясь связанным на куче прелой кукурузной ботвы, я засыпал с чувством облегчения: наконец, в темноте; наконец, один. Что голод? Фигня! Намного ценнее отсутствие страха.

Хотя бы, ненадолго.

Утром астеки все-таки вспомнили, что их пленник голодный. Понятно, что специальной тюремной диетой им заниматься было некогда. Так что внезапно мне досталась не особо чёрствая лепешка и кусок свежепожаренного мяса! Я аж рычал, пока ел. Потом меня связали – и вчерашний день повторился полностью. Отличием было то, что мы вошли в относительно безлюдные места. Горы стиснули равнину, нависая толпой гопников, интересующихся финансовым благополучием пятиклашки. Я догадался, что мы идем уже по Куикатлану: то ли узкой

долине, то широкому ущелью. Я слышал об этом крае с крайне плодородной землей, которой, при этом было так мало. Куикатлан соединял Страну Облаков с северными землями, давно и прочно захваченными астеками. За один день нам дважды встретились вереницы носильщиков – торговая магистраль работала по полной.

Вторую ночь мы провели в лесу. Теперь уединиться оказалось трудно. Лежа, в связанном состоянии, я пытался заползти в какую-нибудь ложбинку, чтобы хоть иллюзия одиночества создалась – но бдительная стража каждый раз злобно окрикивала меня и выволакивала к костру. Я практически не уснул за всю ночь: постоянно вздрагивал от любого шума, любого движения. Астеки окружали меня повсюду, и это было ужасно. Я понимал, что вряд ли меня снова начнут пытаться... но страх чихал на мое понимание. Он правил мной.

Несколько дней пути по Куитлаканоу совершенно вымотали меня. Даже, если отряд останавливался вечером в какой-нибудь деревне, место под крышами находилось только для начальства, а мне приходилось ночевать среди воинов. От тотального недосыпа, помноженного на общее хреновое состояние и тяжелую дорогу, голова моя шла кругом, я спотыкался и падал, получая злобные пинки и тычки. После каждого удара мое сердце замирало, я холодел, переставал двигаться – и получал новые удары. Четверка стражей, «заботе» которых меня поручили, уже откровенно ненавидели своего пленника и не скрывали желания прибить меня. Увы, строгий приказ не позволял им это сделать.

А потом мы попали под камнепад.

Долина в этом месте стала предельно узкой, практически каньоном. Еще и дорога вела заметно вверх, приходилось скакать с камня на камень. Я старательно смотрел под ноги, чтобы не упасть и не вызвать новую волну гнева астеков – и поэтому пропустил начало. Поднял голову только тогда, когда услышал грохот. Впереди и справа, с голой скалы сыпались булыжники и целые валуны. Сыпались прямо на нашу колонну! Астеки спешно разбежались, кто-то уже лежал, вымазанный красным... И тут в окрестных кустах закричали! Гневно и яростно!

Мои персональные стражи моментально повалили меня наземь, закрыв стенкой из щитов. Тяжелое колено вдавилось в мою спину, лишая малейшей подвижности. Я отплевывал песок и гальку, изо всех сил выворачивал шею, но ничего толком не видел. Ущелье наполнилось криками, шумом, беготней. Макуильмалиналли громогласно раздавал приказы... но я слушал не это. В многоголосице начинающейся схватки мне явственно слышалось почти забытое, но такое родное слово.

«Змей!».

Боевой клич моего воинства. Моего! Воинства! Которые не бросили меня! Не забыли! И, наконец, пришли освободить!

Даже страх отступил. Я принялся дергаться, выворачиваться, наплевав на свежую порцию затрещин. Мне нужно увидеть! Нужно убедиться! Увы, астеки не давали мне этой возможности. Оставалось слушать. Вытянув голову, я весь обратился в слух. Не знаю, обманывал ли я себя или, правда, шум боя неотвратимо приближался ко мне. Именно ко мне! Взбудораженная фантазия рисовала мне яркую картину: как, сияя лезвиями топоров и остриями копий, ко мне прорываются золотые и черные! Как на острие смертоносного клина, расшвыривая астеков налево и направо, рвется ко мне... Кто? Черный Хвост? Вапачиро? Желтое Лицо? Или неистовый вождь Спина?

Да кто угодно! Только придите ко мне! Убейте эту ненавистную четверку! Уведите меня отсюда...

– Спасите... Спасите... – шептал я, роняя на теплые камни слезы надежды. – Умоляю...

Я так увлекся фантазиями, что не сразу заметил: шум боя стих. Всё чаще астеки торжествующе ревели. Вот они уже с яростными криками сами ринулись в густые заросли на склонах гор. Но строгий окрик предводителя остановил их.

– Уходим! Уходим!

Меня подхватили, как мешок, и буквально поволокли вверх по тропе – у меня просто отнялись ноги. Окунувшийся в черную бездну отчаяния, я не обращал внимания на удары о камни и только бормотал по-ацтекски:

– Амо... Амо... Амо... Амо... Амо...

Глава 4

- Пожри нас всех, Тлальтекутли! Зачем мы всё еще сидим в этой деревне?
- Мой господин, но ведь вы согласились, что здесь мы в безопасностиждемся помощи против разбойников...
- Да мы и так с ними справились! Их оказалось совсем немного...
- Но наши потери, Макуильмалиналли! А вдруг в лесах разбойников больше?
- Вдруг, вдруг, – проворчал Пятая Трава, дожевывая ногу индейки. – Если их больше – они бы все и напали на нас в ущелье. Но, даже если так: чем нас спасет эта жалкая деревня? По-твоему, Кемицтак, эти крестьяне помогут нам в бою?
- Вряд ли, – улыбнулся родич Пятой Травы. – Но у нас появились дополнительные сотни глаз и ушей, чтобы заметить врага. А среди хижин обороняться гораздо удобнее. Особенно, против злых разбойничьих стрел.
- Отсидеваясь тут, мы от стрел не избавимся.
- Мой господин, я понимаю, как тягостно тебе столь долгое ожидание. Но ты ведь сам понимаешь, что оно необходимо. Сотник послал гонцов в Теотитлан. Они доберутся до города за два-три дня... наверное, уже добрались! И скоро сюда придет большой отряд. С ним мы в полной безопасности достигнем родной долины. И доведем ценного мамалтина – в целости и сохранности.
- Проклятый четланин, – пробурчал Пятая Трава, правда, без особой злости. – Вечно с ним морока. По крайней мере, в Уашкакаяке нам не солгали о возможном нападении. Не зря мы ушли оттуда. Только надо было еще раньше.
- Мы справимся и сейчас, мой господин! Не надо хмуриться.
- Конечно, справимся. Просто мне это не по душе. Я сын Ашаякатля! Я должен идти вперед и бить врагов, а не убегать, чтобы спасти какого-то жалкого пленника-мамалтина!
- Но ведь в этом и кроется высшая воинская слава: добыть и привести ценных пленников, подарить их истли богам, спасти мир...
- Добыть! – поднял руку Макуильмалиналли. – Разве я взял Хуакумитлу в бою? Глупый Косийоэса отдал мне его. Где же тут слава?
- Слава в Теночтитлане, мой господин! И только там! А в Теночтитлане все – и люди, и боги увидят тебя: великого сына Ашаякатля, который приволок за волосы калеку-четланина, что бегал от нашего праведного гнева так долго. Твой незадачливый брат Мотекусума проиграл войну сапотекам, поставил под угрозу наше великое продвижение на восток. А ты не только умиротворил Саачилу, но еще и приведешь на священный течкатль нашего давнего врага! Ценнейшего мамалтина! Вот слава, которая ждет тебя, Макуильмалиналли, мой родич и господин! А Ауисотль не вечен...
- Кемицтак!
- Прости, господин! – Кемицтак распластался по циновке, вытянув руки. – Накажи меня за мои недостойные слова!
- Но Макуильмалиналли уже думал о чем-то другом.
- Я не выпущу твои недостойные слова из стен этого дома, родич, – неспешно заговорил он. – Если ты также поступишь в отношении моих...
- Пусть не даст Тлалок моей теойлие дороги к небу Солнца, если твои слова покинут этот дом! – страстно заговорил Кемицтак, а глаза его жадно заблестели.
- Я не хочу, чтобы калеку принесли в жертву.
- Что?! – родич Пятой Травы непроизвольно прикрыл рот ладонью. – Такая ценная кровь! Такой шанс возвыситься! Но... почему, мой господин?
- Мне кажется, Хуакумитла больше пользы принесет живым.

– Этот калека?

– Ты что-нибудь слышал о четланах... хотя бы, десять лет назад? Это было настолько незначительное племя, что и знать о нем нечего. А, когда я пришел в их земли – изумлению моему не было предела. Невиданный кора-пиль, стек-тла и тумбага. У них всё было иначе, всё по-другому. Они по-другому растят маис, по-другому лепят посуду. Я видел множество вещей: и в поле, и за столом, и в постели владыки – которые заставляют жить иначе.

– Зачем нам жить иначе? – нахмурился родич.

– Чтобы получались те удивительные вещи, которые умеют делать четлане.

– Я все-таки не понимаю, при чем здесь Хуакумитла? Почему ты хочешь обратить свою величайшую славу в позор? Разве не научились наши мастера делать их тумбагу?

– А стек-тлу – так и не научились, – вздохнул Пятая Трава. – А калека внезапно объявился в Стране Облаков – и снова всё у него заработало.

– Он просто забрал с собой мастеров.

– Не просто... Я много допытывался у четланского торгаша, что отдался нашей власти. Тот мне сам говорил: ничего этого не было, пока Хуакумитла не пришел к власти. И не начал поднимать свою калечную руку. Эх, жаль, что толстяка свои же прирезали – он бы еще много мог рассказать.

– Но я не понимаю...

– Вот именно: не понимаешь. Тайные знания открылись калеке. Тайные и удивительные. И уже он открыл их своим мастерам.

– А мы теперь заберем всех его мастеров! – радостно продолжил Кемицтак. – А после жрецы вырвут сердце калеки, во имя наших богов!

– Но вдруг в сердце Хуакумитлы скрыты еще неведомые тайны?

Глава 5

Говорят, нет ничего хуже отчаяния. Хрень полная! Отчаяние – это манна небесная. Рай. Ты уже ничего не ждешь и ни на что не надеешься. Тебя ничего не страшит.

О таком только мечтать можно.

А у меня отняли надежду. Погрузили в самый лютей мрак бытия, в одну сплошную боль и страх, концом которого станет только вспоротый живот и вырванное сердце... И вдруг спасение оказалось близко! Просто на расстоянии вытянутой руки! Только протяни...

Но оно не состоялось. Астеки отбились, уволокли меня в какую-то деревню, засели в круговую оборону. Я же отупело сидел на земле, машинально жевал черствую лепешку и не мог поверить, что последняя надежда отнята. Это была такая боль, что меня могли резать на куски – я бы ничего не почувствовал.

А вообще, спасали ли меня? Может быть, четланский боевой клич мне вообще послышался! А на отряд Пятой Травы напали какие-то разбойники... Внезапно я понял, что так даже легче. Легче пережить то, что ты вообще никому не нужен. Чем то, что тебя спасали – да совсем чуть-чуть не спасли.

...В деревне мы прожили несколько дней – я не считал, сколько. Потом с запада подошел сильный отряд, присоединился к людям Макуильмалиналли – и мы снова пошли. Я чувствовал себя куклой, механически передвигающей ногами. Прикажут – двигаю ногами, прикажут – челюстями. Отупение полное. Только по ночам (если удавалось хоть немного уединиться ото всех) я иногда испытывал некоторый покой. Покой обреченного человека.

Потом был город. Большой. Даже больше Саачилы. Здесь мы снова задержались на несколько дней. И ночей, на которые меня заперли в какой-то тесной вонючей каморке. Хоть, какое-то облегчение. Из разговоров я понял, что мы в Теотитлане – крупном центре на торговом пути из Страны Облаков в долину Теночтитлана. Насколько я помнил, город находится почти на полпути. Значит, из отпущенной мне жизни после пленения тоже осталась где-то половина.

Из Теотитлана мы выступили вместе с огромным торговым караваном. Торговцы-почтека расстилались перед Макуильмалиналли, заваливали его подарками. Я же невольно отвлекся от тотальной депрессии, глядя на бесконечные вереницы носильщиков, которые несли на своих плечах тонны самых разнообразных товаров. Вокруг нас были земли империи – к югу, северу, западу и немного к востоку. Прикрыв глаза, я легко представлял себе, как со всех этих сторон тянутся вот такие бесконечные караваны: с товарами, с данью, с пленниками для жертвоприношений. И все они сходятся в одной точке – в Теночтитлане. Городе астеков, который раскинулся прямо посреди огромного озера. По крайней мере, так описывали воины свою родину.

Я уже неплохо стал понимать речь на науатле. Говорить не говорил (от пленника этого не требуется), зато болтовню окружающих меня людей различал уверенно. Тем более, что некоторая база у меня имелась. Подталкивал страх: я всё время ждал подвоха, удара – и старался распознать угрозу загодя.

Караван через несколько дней отстал – Макуильмалиналли явно торопился. Мы поднимались всё выше и выше, но, при этом, и горы вокруг вырастали всё заметнее. Что за страна такая? Помню, как однажды утром я четко разглядел на западе черный конус. Гигантский вулкан. Он был явно выше гор, расположенных ближе – вулкан возвышался даже над ними, хотя, до него явно было намного дальше.

«Что за Эверест такой?» – невольно восхитился я. Нечасто в новой жизни меня что-то поражало настолько, что я забывал о вечном ужасе своего бытия. Астеки, кстати, тоже обращали на него внимание. Улыбались, перешучивались – явно эта гора намекала им, что там находится их дом. Воины называли гору Дымящимся Холмом. Длинное певучее название, как

всё в их красивом языке (почему у этих чудовищ в людском обличье такой красивый язык?). Но нередко астеки сокращали имя вулкана просто до «Дымок» – Попо.

Правда, за несколько дней пути, Попо почти не вырос. Получается, он находился еще очень далеко. И пугающий Теночтитлан не так уж близок. Пятая Трава же, напротив, выглядел настороженным. Стража удвоилась, создавалось ощущение, что астеки очень не уверены в надежности этих мест. А я-то думал, что мы давно идем по самому сердцу их империи.

И настороженность атекского вельможи оказалась оправданной. Отряд остановился на короткую дневку на плоском участке нагорья. Неподалеку стоял небольшой храм. Совсем одинокий. Нет, людей мы видели. Но никаких строений в округе. Просто храм посреди довольно голой местности. Люди, естественно, при виде моих пленителей разбежались. Но совсем скоро появились другие.

Это были воины. Много воинов, которые узкими ручейками собирались в большую «лужу». «Лужа» кипела гневными криками, рокотала всеобщим возмущением. Астеки уже давно почуяли угрозу, сбились в плотную толпу. Даже многие носильщики ухватились за увесистые палки. Пятая Трава с несколькими ближниками вышел вперед, размахивая синезеленым щитом, изображающим озерного монстра – Ауисотля – в честь которого именовался нынешний уэйтлатоани астеков. От незнакомцев тоже отделился вождь (совсем молодой парень), который тут же принялся поносить астеков. Смелость юноши понятна: незнакомцев было раза в три больше. И это тоже были настоящие воины: с обилием перьев, хлопковыми доспехами и щитами.

Пятая Трава за словом в карман не полез и выдал в ответ незнакомому вождю что-то явно ругательное. Да, астеков было мало, но это же астеки! Тут только наглостью и надо брать. Я не мог разобрать слова с такого расстояния. Лишь смотрел на лица окружающих меня воинов и видел, что они совсем не исключают вероятность боя.

А что же будет со мной? Казалось бы, разве может стать хуже? Меня пытаются, меня, не скрывая, ведут на казнь. Но в гуманизм незнакомцев я тоже не верил. Для них я буду таким же пленником. Причем, если для астеков я имел ценность, и обо мне... заботились... по-своему... То кем я стану для этих воинов? Хрен редьки не слаще. Я с оцепенением следил за тем, как перепалка впереди разгоралась... А потом Макуильмалиналли с яростью взмахнул макой и нанес первый удар.

Местные (которые только этого и ждали) взревели и кинулись в бой. Астеки воззвали к Уицилопочтли и бросились на помощь своему предводителю. Несколько мгновений – и пространство наполнилось воплями боли и запахом крови. Мой нос сразу его уловил, и я аж затрясся от страха.

Нечасто мне приходилось видеть битвы, где не участвовали мои воины. И я забыл, насколько странными они выглядят. Индейцы по обе стороны рассыпались широко. Профессионалы здесь любят простор. Сражение сразу раздробилось на множество мелких схваток. Бойцы скакали друг напротив друга, стараясь подловить противника на ошибке. Метательного оружия не было вообще! Враги сошлись вплотную, мечтаю захватить оппонента в плен. Причем, как я понял, захват выражался в конкретном жесте: повергнуть побежденного и схватить его за волосы. Поэтому в голову если и лупили, то плоской стороной маки или вообще «гуманной» дубинкой. Я вдруг понял, что все эти громоздкие звериные шлемо-маски индейцы носили только для того, чтобы их труднее было захватить в плен...

Что-то больно толкнуло меня в спину. Я резко сжался! Закаменел. Рядом стояли неизменные четверо стражей, но они точно меня не трогали: воины всем своим естеством были погружены в сражение и страдали от того, что строгий приказ запрещает им влиться в общий танец ярости и лихости. Остальные немногие носильщики, оставшиеся в тылу, были далеко.

Что происходит?

Серый камушек плюхнулся у моих ног.

Полный ужаса я заставил себя тихонько обернуться – насколько позволяли опутавшие меня веревки. За нашими спинами – шагах в двадцати – скукожилась небольшая груда камней. Над ней едва выглядывала голова. А на голове – до боли знакомая смешная меховая шапочка с напоминающим палку гибэдэдэшника хвостом какомицли на боку. Белый (белый?!) театрально приложил палец к губам, а потом вытянул ладонь и качнул ею: ложись, мол.

Я рухнул, как топором подрубленный, всё еще лихорадочно соображая: у меня галлюцинации? Или нет... Свист стрел развеял сомнения: мои тюремщики рухнули следом за мной. Только один из них хрипел, дергал ногами и пытался достать стрелу, остальных лучники упокоили моментально. Я снова повернулся к камням; слезы, наполнившие глаза, размывали картинку, но мне казалось, что я видел Вапачиро, стремительно бежавшего в мою сторону.

«Не может быть... Этого не может быть» – я боялся поверить в невозможное счастье... Но когда над мелкой фигурой Серого всплыла громадина Отмеченной Спины – размалеванного в яркие краски, разметавшего в стремительном беге свою гриву – тут я уже не мог ошибиться.

– Я тут! Я тут! – заорал я севшим голосом. Задергался, замельтешил, пытался подняться, но веревки не давали мне это сделать.

– Я тут, ребята! – извиваясь личинкой, я пытался стать ближе к ним хоть на шаг. Хоть на сантиметр!

Серый примерно с десятком воинов быстро разогнал прислугу. А меня резко подхватили, вздернули и стиснули в крепких объятьях. Черный Хвост. А я даже не заметил его...

– Уходим! Быстро!

Глава 6

– Владыка! Да садись поближе к костру! В этих землях ночи холодные! – Вочтуиката маняще махнул рукой.

– Нет, спасибо. Мне хорошо. Мне и так хорошо.

Я не врал. Когда заботливые руки близких людей подхватили меня и буквально унесли с поля битвы, я зажмурился и долго не решался открыть глаза. А вдруг развеется морок? А вдруг, на самом деле, меня тащат куда-то чертовы астеки... Я не переживу этого.

Однако, уши закрыть было нельзя. Я слышал голоса, такие родные, такие бесценные! Через пару часов меня принесли в уютную ложбинку среди отвесных скал. Серый с Хвостом аккуратно распутали веревки, напоили меня, угостили кашей с мясом индейки. Я тихо ревел и не пытался скрывать слезы. Мои друзья почти нежно касались вспухших шрамов на моем лице, и суровые взгляды их не предвещали астекам ничего хорошего.

Наконец, стемнело – и стало совсем хорошо. Я только лишь отодвинулся подальше от своих людей, укрылся тенью, вжался в теплый камень отвесной скалы – и улыбнулся. Как же хорошо! Я чувствовал себя почти в безопасности. Даже с «почти» – это было так много! Так что, не зови меня, Вочтуиката, к костру. Мне и так хорошо.

– Рассказывайте, – мягко велел я. – Какое чудо спасло вас? Что случилось в Стране Облаков? Как там База? Как Эхутла?

– Вот оно – чудо, – хмыкнул Вапачиро и ткнул ложкой в сторону Дшанластоо. Сапотек моментально зарделся, но непроизвольно приосанился. – Наш друг Дшан, несмотря на рези в кишках, решил, что неблагородно отлынивать от своих обязанностей. И, опираясь на посох...

– На копьё!

– Опираясь на копьё, потащился во дворец. Там он быстро подметил, что воинов везде непривычно много. А потом опознал в них людей Смерти Врагов! Никто из нас этого не сделал бы. Тут как раз из зала приемов раздались крики, и Дшан кинулся назад...

– Я не струсил, владыка! – вскинулся сапотек. – Но один я не имел шансов пробиться к тебе на помощь...

Парень разволновался, боясь быть уличенным в трусости – я же был поражен, что этот сапотек, придворный из Саачилы, даже на миг не задумался, на чью сторону встать... Кажется, я опять начал плакать.

– И я побежал к нашим, чтобы вместе...

– Только он нас всех поднял, – влез Вочтуиката. – Кого-то даже прямо с отхожих ям. Только мы все вооружились, чтобы тебя спасти, владыка. Только господин Вапачиро нас построил на прорыв – а к нам уже пожаловали! И не поверишь: не только сапотеки, но и астеки пожаловали. Сунулись было в двери, но Спина сразу пару бошек снес. Тогда они выход и обложили.

– Как же... вам удалось... – я подвинулся, чтобы сесть поудобнее и скривился от боли сразу в десятке мест.

– Срубили один из опорных столбов – топоры-то у нас хорошие – и просто выломали заднюю стенку! – хихикнул куйтлатек. – Теперь им, гадам, тот дом строить заново придется. А мы рванули во всю прыть, сам господин Вапачиро вел нас...

– Да меня практически несли, владыка, – сдержанно улыбнулся Серый. – Совсем мне в тот день было плохо. Понятно, за нами сразу кинулись в погоню. Луки какое-то время держали врага на расстоянии. Но белых было совсем мало. А со всех сторон бежали новые сапотеки... Прости, государь, но я приказал прорываться к Базе. К тебе было не пробиться. Я молил Змея, чтобы враги взяли тебя в плен. А потом уж мы всей силой вернемся в Саачилу...

– Но не вышло, – спокойно резюмировал я.

Все опустили головы.

– Там такое было, владыка, – первым подал голос Вочтуиката. – Мы к лодкам пробились, до Базы добрались, всё рассказали, начали наших собирать...

– Пусть Черный Хвост лучше расскажет, – остановил куйтлатека Серый.

Хвост тяжело вздохнул.

– Прибегает из Базы гонец, говорит страшные вещи, – медленно начал он. – Я не верю, переспрашиваю, надеюсь, что болван всё перепутал... Ну, даю команду трубачам: сбор! А вокруг крепости уже толпы вооруженных сапотеков ошиваются. Я не сильно испугался – и не такие разгоняли... А потом черные на черных накинулись! Прямо в лагере! Прости, владыка, но страшно было. Кто против кого – непонятно. Ясно, что «наших» сапотеков тайно подговорили. Но многих ли? Ведь наверняка остались верные. А как их отличить? Кому поверить, кому спину свою подставить? Тут снаружи на штурм полезли. А дозорные кричат, что со стороны Палапы еще Большая толпа идет.

Черный Хвост до хруста сжал кулаки.

– Отбились мы от изменников, вернули стены, стали обороняться. Враги кругом. Даже прорваться в Базу нет возможности. Те нас обстреливают, но второй раз лезть бояться. А ведь теперь это уже другое войско было, владыка! Щиты добротные, шлемы крепкие. И даже строем ходят. Управлять такой ордой, правда, еще не научились. Но всё равно – другими стали. Опасными. Я честно признаюсь: даже не знал, что делать. До вечера мы только стены держали... И вдруг – золотые! Словно из-под земли выросли – и на прорыв! Рубят сапотеков топорами и маками, пробиваются к крепости. И много их!

Я уже потом узнал, владыка, что местный хоана предупредил Желтое Лицо о заговоре. И тот вывел всё Золотое воинство до того, как изменникам дали сигнал. В общем, он и не знал даже, что такие изменники у него существуют. И те какое-то время не понимали, что им делать надо. А вот когда Желтое Лицо отряд в бой повел – поняли. И случилось страшное.

Черный Хвост замолчал. Закрыв ладони руками.

– Прямо на наших глазах, – глухо продолжил он. – Надежда на победу сменилась кошмаром. Началась резня. Все убивали всех. Я сам видел, как Желтое Лицо потянули за волосы... но он не дал себя пленить. Зубами впился в руку, чужим оружием заколол врага – и его убили. Мы кинулись на выручку, но смогли затащить в крепость лишь пару десятков... Я не стал ждать. Пока все враги сгрудились у восточной стороны, привлеченные атакой золотых, мы просто открыли и западные ворота и побежали в Базу. По счастью, здесь бунта не было: у Брата Гнева большинство воинов – четлане. Да и мастера оказались надежнее воинов.

– А Аскуатла пропал, – подхватил речь Серый, видя, как тяжело говорить Хвосту. – Гонец смог вернуться, сообщив, что всюду воины Амагенго, а лагерь белых пуст. Мы так ничего и не узнали о Муравье и его людях. Да и некогда было. Уже через день на том берегу, в Лабоче, появились сотни воинов, и число их росло... а База ведь даже не укреплена. Только две махонькие крепостцы. Но, если в них укроемся – это конец. А ведь из Саачилы тоже со дня на день войско придет. В общем, решили мы уходить. Дождались ночи, нагрузились самым ценным – и ушли вверх по реке. Решили пробиваться в Йоо-Паа. Больше некуда было. Брели по самому краю Страны Облаков, чтобы, если что, со скал отбиваться. Почти восемьсот человек дошли.

Дедушка нас принял. Поплакал над твоей судьбой, помолился. Потом, как мог, устроил людей. Мы ему говорим: надо владыку отбивать, а он только печально головой качает. Да мы и сами поняли. Йоо-Паа, вроде и большой город, а еле дышит. Уж слишком часто его враги грабили. В общем, думали мы, гадали, что делать и как тебя выручать – а тут из Саачилы присылают к нам Конечинмайлу.

– Что?! – я подпрыгнул. – Погоди. Дитя Голода жив?

– Жив, – улыбнулся Серый, радуясь возможности сообщить хоть одну хорошую новость, и повернулся в темноту. – Ну, вылезай уже! Вон тебя владыка кличет!

Глава 7

Тень, чуть плотнее окружающей ее темноты, качнулась и медленно направилась к светлому кругу вокруг костра. Вскоре я уже мог узнать широкое лицо, приметные короткие лохмы юного гения. Парень виновато разглядывал камни на земле, а потом не выдержал и плюхнулся на землю:

– Прости, владыка! Прости, что не уберег! Не защитил...

Моя правая ручонка задергалась.

– Глупый... Какой же ты глупый... – чуть слышно пробормотал я дрожащим голосом.

Встал со стоном. Подошел, коснулся левой рукой плеч и заставил встать. А потом прижал со всей силы. К шрамам своим болючим. К синякам. Это была на редкость приятная боль.

Да простят меня все мои ближники. Все, кто стоял за меня насмерть. Кто умирал за меня. Но больше всего я был рад, что уцелел именно этот мальчишка. Ну да, уже практически мужчина, но всё равно еще пацан пацаном – для меня, которому в обоих мирах совокупно перевалило уже за сорок. Я вдруг понял, что Дитя Голода стал мне сыном. Причем, сыном, которым я мог гордиться. Как я был горд собой, что нашел этого паренька, помог развить его недоюжинные таланты! Конецинмайла реализовывал себя в самых разных областях и везде добивался успеха. Сколько раз он уже выручал меня. Как заражали меня его жажда жизни и одержимая жадность до знаний...

Я ведь был уверен, что Дитя не выжил в тот день. Если бы не тотальный ужас, которым окружили меня «заботливые» астеки, я только о нем и скорбел. Каждый день.

И вдруг такой подарок.

– Не смей винить себя, Конецинмайла, – улыбнулся я. – Самое главное, что ты жив. А с вашей помощью, жив и я. Лучше расскажи, как ты из Саачилы в Йоо-Паа попал.

– Косийоэса меня астекам не отдал, – хмуро заговорил Дитя. – Держал в яме, наверное, три пятерки дней. А потом вытащил, провел мимо огромного своего воинства... С нашими копьями!.. Провел и говорит: иди в Йоо-Паа, там ваши недобитые остались. Пусть сдаются на мою милость. Иначе уничтожу всех...

Тяжело доставались слова Конецинмайле. Слишком большой груз вины давил. Одних моих слов мало. Ну, ничего, залечим. Я повернулся к Серому, как к главному спикеру: продолжай, мол. Внезапно заметил, что снова оказался в окружении людей – родных, бесконечно дорогих людей! Но в окружении. И спешно вернулся в свой темный закуток.

– Не волнуйся, владыка, мы Дитя, как родного приняли. Расспросили. Поняли, что против всех сил Саачилы не выстоим. Да и Облачный Дед попросил его город в войну не ввязывать. В итоге договорились: Великий Видящий обещал укрыть наших людей в горах. Есть там укромные места. Заповедные. Только безбожники вроде нас там выживут, – Вапачиро улыбнулся. – А Черный Хвост собрал всех воинов – и повел к Уашкаякаку.

– Вы чего? – изумился я. – Штурмом брать город решили? Сколько вас там было-то?

– Почти три сотни, – пожал плечами Черный Хвост. – А что? Кое-кто из наших город знает. Выясним, где тебя держат – и внезапно ударим. Тут слишком много даже и не нужно. Жаль, лучников у нас почти не было. Зато людей Серого – две двадчатки. А эти в подобных делах – мастера.

– Только вот увели тебя, владыка, – развел руками Вапачиро. – Как будто знали. Малым отрядом и быстро. Мы всей толпой не догнали бы. Решили отобрать самых шустрых, чтобы выкрасть тебя в дороге. А с остальными Брат Гнева вернулся на восток, в горы: защищать наших мирных жителей.

– Так в Куикатлане это все-таки вы на отряд астеков напали? – обрадовался я.

– Верно. На четвертой ночевке обошли твоих пленителей. Стража там крепкая стояла, врасплох не застать. Нашли место, подготовили засаду... эх... – Серый словно заново переживал былые эмоции. – Ведь почти вышло, владыка! Я от тебя совсем близко был, уже видел, как тебя скрутили и в землю уложили... Но мы слишком многих потеряли – просто не ушли бы.

– А что же дальше?

– Тут начались чудеса, – Вапачиро аж зажмурился от удовольствия. Покуда вы в деревне сидели, мы вперед ушли. Потом вокруг Теотитлана кружили. Но не решились в город войти. Никто его не знает, язык тоже незнакомый. Узнали, каким путем караваны в Теночтитлан ходят, и пошли по этому пути, искали удачное место. Но тут страна какая-то... Вроде и горная, а какая-то голая. И всюду люди. Наверное, даже больше, чем в Стране Облаков. А потом мы наткнулись на войну.

– Чего?

– Вот и мы также. Люди говорят: не ходите на запад, там война идет. А мы не верили. Какая война в самом сердце атекской империи? Может, кто восстание поднял...

– И?

– Даже восстания не было, владыка. Я тебе плохо объясню, но лучше пока некому. Есть совсем недалеко от Теночтитлана долина... да, считай, целая страна! Которая астекам не подчиняется. В ней много городов, разноязыких племен – и все они связаны каким-то договором с астеками, тепанеками и аколуга. Только они не союзники, потому что постоянно воюют. Воюют, но не завоевывают.

– Ничего непонятно, – нахмурился я.

– Да и мне тоже, – пожал плечами Серый. – Ничего. К утру появится человек, который тебе подробнее объяснит... В общем, оказались мы неподалеку от одного такого города – Атлишко. Мы со Спиной и Вочтуикатой не поленились и разведали: вокруг города стоял чуть ли не десяток лагерей! Многие тысячи! Астеки там были, но не только они. Мы там три дня по грязи ползали, всё насмотреться не могли. Из какого-нибудь лагеря постоянно выходила толпа кружила по окраинам Атлишко – вызывала на бой. Иногда стычки были, иногда горожане отмалчивались. А потом из города вывалила огромная толпа – и просто снесла пару лагерей. Враги-то совсем не готовы оказались. Кто-то вышел в бой, кто-то просто сбежал – в основном, те, которые не астеки. Как нам рассказали, в походе участвовали шесть родичей уэйтлатони астеков. А командовал всеми его родной племянник.

– Еще племянник? А кто это вам рассказал?

Вапачиро покосился на Черного Хвоста.

– Владыка, у нас не хватало сил спасти тебя, – с чувством заговорил генерал. – Мы не сдавались, искали возможности – но мы все это понимали. А тут – явные враги астеков. Ну... и я пошел к ним. Пытался объяснить, что мы тоже с астеками воюем... Мне не сразу поверили. Испытывали...

– Как? – севшим голосом спросил я.

Черный Хвост только руки развел: понятно, мол, как. И мне так стыдно стало! Пока я ныл, купался в жалости к себе, жаждал продать всех ради одного дня без боли – Черный Хвост сам пошел на пытки. Ради меня.

Я никого из них и мизинца не стою...

– В итоге местный владыка выслушал нас. Когда он услышал, что тебя с малым отрядом ведет еще один племянник Ауисотля – даже руки потер. Он-то и рассказал о странном договоре, о постоянных войнах. О подлости астеков и своем успехе. Возможность пленить еще и Макуильмалиналли его манила и пугала. Все-таки этот племянник в несправедливой войне не участвовал. Наконец, с нами вызвался пойти родич правителя. Он был из другого города, но пришел на помощь Атлишко. Тлатоани поручил ему сначала всё разузнать...

Черный Хвост призадумался.

– Храбрый воин. И командир неплохой. Он-то сразу хотел напасть с нами на астеков, но приказа старшего слушался. Раз велели сначала всё разузнать, он так и собирался делать. Да только люди Макуильмалиналли развалились прямо в священном месте, есть да пить начали. Так что разговора не получилось.

– К нашей радости, – не удержавшись, добавил Вочтуиката.

– Какие у вас дальнейшие планы? – спросил я у своих командиров.

– До утра отдыхаем и спим, владыка, – улыбнулся Серый. – А там Ичтакауэка подойти обещал.

– Кто?

– Ну, предводитель молодой. Родич тлатоани из Атлишко. Мы, получается, ему поручены. А он сильно хотел с тобой поговорить.

– Зачем? – испугался я.

Серый пожал плечами.

– Владыка, они для нас сделали так много. Это место тоже они указали. Сказали, что надежное, никто посторонний здесь не появится. Не думаю, что от Ичтакауэки стоит ждать чего-то плохого.

А я думал. Я теперь очень легко ждал плохое. Практически от кого угодно. Очень хотел приказать: уходим. Прямо сейчас! Но не решился. Слишком отвык приказывать. Да и куда уходим? Страна Облаков так далеко. И в той Стране Облаков мой дом разорил Рыбоглазый. До Четландии не сильно дальше, но и там правят астеки. Нигде нет надежного убежища. А я желал сейчас только этого – надежного убежища. И никаких врагов.

...Проснулся я сильно засветло. Надо же, даже не заметил, как уснул. Заботливые друзья укрыли меня целым ворохом одеял, так что я даже спарился. От того и спал так долго.

Озаренная солнцем ложбина выглядела уже в разы менее безопасной. Зато всех людей, наконец, видно. Спасли меня, примерно, две двадчатки человек. В основном, разноплеменные спецназовцы Вапачиро. Была группа черных и четверо лучников. С удивлением узнал в парне, увлеченно раздувавшим угли костра, Воронова Волоса.

– А медник что с вами делает? – шепотом спросил я у Серого, который, конечно, сидел рядом. – Я думал, вы только лучших бойцов взяли.

– Попробуй его не возьми, – вздохнул Вапачиро. – Уперся: буду их убивать. И всё. Вообще, парень крепкий. И досталось ему. Он же с Коатеки в одиночку выбирался. С одним ножом. Сначала до Базы, а когда увидел ее захваченную, в плен не дался и догадался в Йоо-Паа идти. Кремень-парень. Да ладно он! С нами из мастеров еще этот сапотек – Хадани!

Я сразу вспомнил нашего «Индиану Джонса», затеявшего массовые грабежи гробниц в Золотом Городе.

– Тоже зарядил: я должен служить Змею. Ну, конечно, его подельнички тут же за парня вступились. Уговорили взять. Но и он обузой не стал.

– А где он?

– За дровами ушел... А нет, уже возвращается.

Хадани, действительно, выскочил из-за горки и неся к лагерю, роняя хворост и неистово размахивая свободной рукой.

– Увидел что-то. Я пойду, узнаю, владыка?

– Иди.

Я остался один и сразу постарался выглядеть как можно незаметнее. Полегчало. На меня почти перестали посматривать, так как общее внимание привлек Хадани. Он толком не успел еще рассказать, а причина его волнения объяснилась сама: в нашу ложбинку спускались чужие воины.

Как я позже узнал – шикаланки.

... – Ты со своими людьми прошел от устья Мезкалы до Страны Облаков? – потрясенно переспросил меня Ичтакауэка, еще шире распахнув свои и без того широкие глаза.

Он сразу расположил к себе. Я понимал, почему и Черный Хвост, и Вапачиро так тепло о нем отзываются. Широкой души человек, сгусток эмоций, сердце открытое, душа нараспашку. Если он еще и удаль в бою проявляет, то воины его просто обожают. Правда, долго такие вожди не живут. И чаще таких убивают свои же – в неприкрытую доверчивую спину.

Но княжич – парень приятный. Я-то думал, что ему тлатоани из Атлишко поручил меня старательно допросить, а он просто любопытство утолить хотел!

– А ты знаешь, Хуакумитла, что Мезкала берет начало именно в нашей долине?

– Да, ладно? – княжич смог меня удивить.

– Начинается на севере, в тлашкальтекских горах, протекает мимо моего города и дальше – через кучу стран и земель. Получается, мы с тобой на одной реке живем, владыка!

Весело так заявил, радостно. Уже записал меня в свои. Скажу прямо: я этим воспользовался. Потому что недавние события и рассказы моих спасителей посеяли в голове множество вопросов. Так что, рассказывая Ичтакауэке о своей судьбинушке, я постоянно его расспрашивал про странную долину, свободную от астеков, и про странные войны без завоеваний.

В общем, есть две долины. Западная – с большими озерами. Восточная – без. Долины разделяют три великих вулкана – Попокатепетль, Истасиуатль и Тлалок. В западной давным-давно три города-альтепетля объединились и создали нынешнюю империю астеков. А в восточной – три великих города-альтепетля тоже есть: Чололлан, Уэшотцинго и Тлашкала. Но единства нет.

– Потому что единства нет в каждом городе, – с жаром пояснял Ичтакауэка. – Тлашкала – это вообще четыре отдельных альтепетля, каждый со своим тлатоани. Все они равны и враждуют друг с другом. В Уэшотцинго идет вечная скрытая война между тлатоани и жрецами. Мой город Чололлан – самый великий. Но и у нас та же проблема. Вся власть в руках жрецов двух храмов: Кетцалькоатля и Тлалока. И они сильны, потому что город разобщен. В нем есть большие общины чололтеков, тлашкальтеков и шикаланков. Благородные дома всех трех общин могут претендовать на титул тлатоани, а в итоге решают жрецы.

Как я узнал, Ичтакауэка как раз и был таким претендентом от шикаланков. Только вот его племя в этом городе сейчас было не в чести.

Ладно, вернемся к двум долинам. Княжич рассказал мне, что поначалу – еще лет сто назад – восток давал уверенный отпор астекам и их союзникам. Однако те захватывали земли вокруг, так что рано или поздно добрались бы и до них.

Но вмешались боги.

Примерно полвека назад, на западную долину навалились бедствия: то голод, то потоп, то болезнь. Оказалось, близился конец 52-летнего цикла. А всем известно, что именно в конце такого цикла может наступить конец света.

– Наше Солнце погибнет. Уже четыре их было, и все погибли по разным причинам, – пояснял княжич. – Сейчас нас согревает Пятое.

Стоп! А это мне уже знакомо. С трудом, но я вспомнил, как еще в Излучном царев племянник Пятая Трава рассказывал о гибели Солнца и о том, как астеки его спасают.

– И для спасения нужно больше жертв, – договорил я мысль за Ичтакауэку. – Больше крови богам, чтобы тем сил хватило.

– Верно! – улыбнулся предводитель шикаланков. – Когда война – хорошо. Пленников много – жертвы богатые. А если нет войны? Вот тогда правители Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана договорились с нашими правителями. Восточную долину не будут завоевывать. Но за это мы должны регулярно вести священную войну – Шочияойотль.

– Как-как?

– Цветочная война. Она должна заранее объявляться и вестись строго по правилам. Города могут встречаться на поле боя по одному или все вместе. Никаких атлатлей и пращей.

Говорят, раньше это были восхитительные сражения. Благородные воины выходили вперед и вызывали друг друга на поединки. А сейчас – сейчас больше всего похоже на то, что нас превращают в рынок для поставки пленников для постоянных жертвоприношений. Особенно, страдают в Уэшотцинко – этот город ближе всех к западной долине.

– А разве не для этого всё и задумано? – удивился я. – Вам подарили независимость в обмен на пленников для жертвоприношений.

– Нет! – ноздри шикаланка гневно раздулись. – Это был договор равных и свободных. Нам никто ничего не дарил. И война подразумевала, что победить могла любая сторона. Победить и принести пленников на родные алтари.

– Но теперь это не так? – попытался снова угадать я.

– Да. Иногда наши воины побеждают. Но, обычно, астеки или аколуга приходят огромной силой и уводят сотни пленных воинов.

– И так же чуть не случилось в Атлишко? – кажется, я уловил суть конфликта.

– Хуже! – хлопнул себя кулаком по бедру Ичтакауэка. – Намного хуже! Атлишко – самый южный наш город. Здесь живут почти одни шикаланки – мои соплеменники. И он входит в число шести городов, с которыми ведутся Цветочные войны. Но на этот раз ее даже не объявили. Поговаривают, что племянник Ауисотля Тлакауэпан завидовал своим старшим братьям Макуильмалиналли и Мотекусоме, которые уже захватывали целые страны. Он уговорил уэйтлатоани отпустить его в свой собственный поход. На благородную Цветочную войну. Ауисотль согласился, только войск дал совсем мало. Хватило бы на небольшую стычку в поле. Но Тлакауэпан хотел великой славы. И он пошел по южным городам – Чалько, Шочимилько, Миш-кику и другим – собрал там всякий сброд. Зато очень большое войско. И оно хотело не только войны за пленников. Оно хотело грабить. К тому же, у южных городов всегда были торговые споры с Атлишко. Вот и пошел Тлакауэпан на этот город. Не просто на битву. Он хотел захватить Атлишко!

Тлатоани города – брат моей матери – был возмущен такими нарушениями и обратился к прочим городам за помощью. Уэшотцинки прислали большое войско. Из Чололлана пришел только я. Но и этого хватило с лихвой, чтобы мы расколотили наголову это сборище. Тлакауэпан и два его брата бились, как благородные воины – в первых рядах. Мы взяли их в плен. Тлакауэпан увидел, каким позором закончилась его выходка – и сам попросил убить его прямо на поле битвы. И это правильно. Как жить после такого! Вот Макуильмалиналли я отпустил. Он благородный воин.

– Отпустил?!

Глава 8

Всё, что я мог теперь делать – это смотреть на перевалы гор вокруг нашей ложбинки. Смотреть и ждать, когда оттуда появятся кровожадные астеки и начнут меня пытаться. Я дергался на каждый шорох, потому что твердо знал: Макуильмалиналли придет за мной. Если он жив – обязательно придет.

– Владыка, успокойся! – Серый заботливо придерживал меня за плечо, чем только сильнее заставлял нервничать. – Нас с шикаланками тут больше трехсот, а астеков еще до боя полторы сотни было... Они не сунутся сюда.

Что он понимал! Конечно, сунутся! Пройдут по следам, как собаки и найдут. Снова свяжут меня! Снова начнут резать! Я не хочу! Я уже поверил в свободу, и я не хочу обратно.

– Вапачиро, пообещай, что убьешь меня, если здесь появится Пятая Трава!

Мой телохранитель хмуро молчал.

– Я его убью... – буркнул он наконец.

Ичтакауэка стоял неподалеку и только качал головой. Кажется, я порчу первое впечатление о себе. Но мне пофиг. Я только хочу уйти подальше от треклятого атекского принца! И всего его поганого племени!

– Послушай, – наконец, не выдержал предводитель шикаланков. – Наверное, я смогу тебе помочь. Есть очень надежное место. Прямо в моем городе, в Чололлане.

– Насколько надежное? – прищурился я.

– Надежнее некуда, – улыбнулся Ичтакауэка. – Настолько, что большинство жителей города даже не подозревают о его существовании.

Эта информация меня вдохновила.

– Только я сам не могу принять решение о том, чтобы пустить тебя туда. Это не в моей власти.

– А кто решает? Тлатоани города?

– Нет, – снова улыбнулся шикаланка. – Он тоже не знает о нем. Решают жрецы. Но я могу организовать вашу встречу... Тайно-тайно! И жрецы пустят тебя туда.

Я перекинулся взглядом с Серым. Тот пожал плечами: понятно, что нам всем не помещает тайное безопасное место. Хотя бы, на время.

...Выбор маршрута занял, наверное, целый час. Мы находились где-то к югу от Чоллолана, но между нами были горы. Ичтакауэка предложил сначала спуститься вниз, затем дойти до Атлишко, и уже оттуда, по низинным местам отправиться в его родной город. Едва я понял, что он предлагает нам идти теми же путями, которыми меня вели астеки, то уперся рогом. Ни за что!

– А, если идти через горы? Так ведь короче!

Шикаланки принялись убеждать меня, что короткий путь не означает быстрый. Лучше идти по знакомым местам, где всегда найдется ночлег и еда, чем по оленьим тропкам, которые неизвестно куда выведут. Однако мне ближе олени, чем любые люди. А ночлеги под крышей и еда обычно связаны с людьми. Вапачиро с Черным Хвостом только руками разводили.

И мы пошли через горы.

Я держался рядом с предводителем шикаланков, выведывая у него про Чололлан – надо же понять, куда я иду. Хитро и издалека.

– Ичтакауэка, твое имя из языка астеков. Но я слышу твой говор: это не твой родной язык. Как так вышло?

– Это язык не астеков, а чолотеков. Много есть народов, которые говорят на науатле. Их речь почти не различается. И многие из них поселились в Чололлане. Так что приходится знать этот язык. Но ты прав, для шикаланков это чужой язык. Мы – совсем другой народ. И самый

древний. Именно шикаланки испокон веков жили в восточной долине. Мы тут обитали еще в те времена, когда в западной долине процветали легендарные тольтеки. У нас были свои города. На севере – Какаштла, воинов которой боялись все вокруг. Был мой родной город и Атлишко на юге. Другие... что ныне давно забыты. А потом с запада пришли дикари Чикомостока...

– Чикомостока?

– Ну да, – удивленно ответил мой собеседник. – Семь пещер, откуда вышли все эти племена. Тепанеки, аколуга, астеки и многие другие захватили западную долину, но некоторые пошли еще дальше. Тлашкальтеки пришли к нам с севера. Они разрушили Какаштлу, построили свои четыре альтепетля, которые теперь просто называют Тлашкалой. Южнее их сородичи заняли наши богатые города. Уэшотцинки поселились в Уэшотцинго. Чололтеки вошли в мой родной город. Они тоже не стали его уничтожать, настолько он был великим, только дали ему свое имя – Чололлан. Теперь наш альтепетль так и называют.

– А как его называл твой народ?

– Теперь никто уж и не помнит. Десять поколений сменилось... Если не больше. Надо сказать, что чололтеки многое сделали для нашего города. Он стал еще могущественнее и богаче. Они построили храм Кетцалькоатлю, который по своей известности уступает только храму в Теночтитлане. Но несколько двадцатилетий назад с севера к нам пришли тлашкальтеки. Мало кто способен противостоять этим воинам, – Ичткакауэка улыбнулся. – Чололтеки точно не смогли.

– Ваш Чололлан подчинился Тлашкале?

– Нет. Наш альтепетль по-прежнему богат и независим. Но теперь в Чололллане живут и тлашкальтеки. Городом правит тлатоани из их рода – Попокаитцин. Ему 65 лет, но он родился в нашем городе.

Ичткакауэка прошел несколько шагов задумчиво.

– Видишь, как жизнь меняется, четланин, – вздохнул он. – Шикаланков теснят всё сильнее и сильнее. Мои соплеменники живут по окраинам города, в основном, на южной стороне. А центральные районы Чололллана заселили пришлые. И все они из Чикомостока, все говорят на науатле. Так что и нам приходится.

Мы снова шли в молчании.

– На самом деле, при посвящении в мужчины, жрец назвал мое взрослое имя на нашем родном языке. Оно значит то же самое, что и Ичткакауэка – Тайна Дали. Далекая Тайна... Ты ведь знаешь, боги не посылают имена просто так. Это знак, послание. В чем черпать силу, к чему стремиться. Я долго размышлял: что же боги хотели мне сказать... Может быть, это ты – моя далекая тайна? А, Хуакумитла?

...По горам мы бродили три дня. Потому что точного пути никто не знал. Тыкались наудачу, забредали в тупики. Люди (особенно, шикаланки) хмурились и ворчали на меня, не стесняясь.

«Ничего, зато никаких астеков» – утешал я себя.

Пусть и медленно, но мы явно спускались всё ниже. А значит, и люди уже недалеко. Когда следы их присутствия стали совершенно очевидными, я остановил продвижение нашего отряда.

– Не пойдешь дальше? – риторически спросил Ичткакауэка.

– Ты сам сказал, Далекая Тайна, что меня в твое тайное место сразу не пустят. Если хотят понять: кто я такой – пусть приходят сюда.

– Мне так жрецам и сказать? До Чололллана неблизко: еще два дня пути.

– А мне тогда что, в пригороде лагерь разбить? У всех на виду?

Тут шикаланку крыть было нечем.

– Может, хоть, до ближайшей деревни дойдем? Подождешь под крышей.

– Нет, здесь лучше.

Здесь, в лесу, несомненно было лучше. Никаких подозрительных людей. Кроме своих.

Юный княжич в итоге плюнул, собрал своих и ушел. Для связи и ориентирования на местности с нами осталась пятерка шикаланков, которые помогли найти очередную уютную ложбинку с удобно нависающим козырьком скалы, так что даже периодические дожди меня сильно не донимали.

Ждали мы долго – почти целый местный месяц, но Ичтакауэка все-таки вернулся. На этот раз с ним была лишь небольшая свита. И жрец.

Странный жрец. Сравнительно молодой, лишь немного старше моего местного биологического возраста. Лицо его было практически чистым: никаких татуировок или краски. Только отвисшие мочки ушей с внушительными жадеитовыми украшениями. Голову венчал мудреный головной убор с обилием перьев и бисера, но даже он не скрывал, что эта самая голова выбрита. По крайней мере, большей частью (я уже знал, что в здешних краях люди крайне ценят волосы на темени и стараются их не стричь). Невысокий, слегка полноватый и с легким пушком волос над верхней губой! Я бы усами это назвать не решился, но в здешних гололицах краях он бы точно взял приз за самые густые усищи. Интересно пошутили гены у этого товарища.

– Хуакумитла, я привел к тебе жреца, который поговорит с тобой, – шикаланкский княжич всем видом показывал, что уговорить священника тащиться в горы было нелегко. – Знакомься: это Тлакатель.

– Тлакатель? Человек? – изумился я. – Что это за имя такое?

– Но ведь я человек, – медленно ответил жрец исподлобья.

– А какому богу ты служишь, Человек?

– Меня пригласили сюда, чтобы я задавал вопросы, – Тлакатель даже смотреть на меня перестал.

«Хамло какое!» – возмутился я, но молча. Вслух же сказал:

– Ну, пойдем к костру... Человек.

– Юный Ичтакауэка поведал мне, что ты был пленником астеков. Куда тебя вели и зачем?

Ну, вот что ему отвечать? Началось наше знакомство не очень хорошо, а мне надо ему понравиться. Если я хочу, чтобы меня укрыли в безопасном месте. А чтобы понравиться – надо знать, что ему нужно. Знать, как он сам относится к астекам. Очень надеюсь, что, раз его привел Ичтакауэка, то и этот жрец моим пленителям не друг. А значит, надо показать, как много вреда и страданий я им причинил. И сколько смог бы еще.

Но, если он как раз сторонник астеков?... Что ж, тогда мне, в любом случае, не удастся понравиться.

– Астеки вели меня в Теночтитлан, чтобы принести в жертву Уицилопочтли. Они считали мою кровь ценным даром, потому что... – и тут я в красках расписал, как разгромил армию аколоуа в землях чумбиа; как потом не давался им в горах Четландии; как дошел до Страны Облаков и за полгода создал там большую базу по производству оружия, создал новое войско...

– Где находится твоя родина? – оборвал мою речь Тлакатель.

– Я думал, ты спросишь меня о том, как я смог создать новое войско, как оно было организовано, как мои люди делали тумбагу?

Жрец покачал головой.

– Раз тебя связанного вели в Теночтитлан, то, видимо, от твоего войска уже ничего не осталось?

– большей частью, – скрипнул я зубами.

– Значит, мне о нем знать не нужно. Где находится твоя родина?

И я начал рассказывать про Четландию. Про свой маленький народ на великой реке. Пытался вернуть снова что-нибудь «нужное»: как мы превратили Сухотье в плодородные поля, как построили большое судно, как обустроили привлекательный рынок, как делали дивные товары... Но Тлакатель всё время интересовали какие-то непонятные моменты. Что чет-

лане любят есть, и имеются ли запреты на пищу? Умеют ли четлане плавать? Как хоронят женщину, умершую во время родов? И что делают с ее ребенком, если тот выживет?

Я совершенно опешил. Прежде всего, потому что не знал, какие ответы могут ему понравиться, а какие – наоборот.

– Каких богов чтит твой народ? – продолжал свой неспешный допрос жрец.

– Своих! – рыкнул я, устав уже от расспросов. Но потом решил все-таки пояснить. – У каждого четланского рода есть свой дух покровитель. Но все четлане уважительно почитают Речного Наездника. Опасаются Чужака. Боятся Утренней Звезды. Но моя семья всегда чтит одного бога – Золотого Змея Земли...

– Как?!

Я даже отшатнулся. Не мог себе представить, что эта ходячая флегма способна на столь резкие движения. Жрец взял себя в руки, но в глазах явно сиял знакомый блеск алкоголика в завязке.

– Теокуитлаликоатль, – повторил я имя желтого червяка на науатле.

Жрец тут же попросил произнести название на родном языке. Я повторил на четланском. А потом – уже шутки ради – на русском. Ну, он же на родном хотел. Тлакатель едва ушами не шевелил, вслушиваясь в незнакомые слова.

– Этот Змей... Он бог только твоего рода или и других четлан?

– Не понимаю. Я и мои предки требовали, чтобы все четлане чтит Золотого Змея Земли.

– Нет, я не об этом. Были ли еще четланские рода, которые чтит Змея? Сами по себе.

– Нет. Змей был покровителем только моей семьи.

– А ваша семья... Вы сами несли службу богу? Оказывали ему почести, приносили подношения?

– Нет. Были специальные жрецы.

– Они есть здесь, с тобой? – Тлакатель еще больше оживился.

– Нет. Все остались в Четландии. Некоторых убили астеки. А, может быть, и всех убили.

Жрец с дурацким именем Человек занервничал. Я с волнением смотрел на этого психа. Понятно, что я, наконец-то, его заинтересовал! Но вот в каком ключе?

– Владыка, – Тлакатель впервые обратился ко мне по титулу. – А ты сам... Ты забрал бога с собой?

Чего?! Как можно забрать с собой бога?

– Идола? – уточнил я.

– Нет. Бога. Ты взял с собой бога?

Я взял паузу, многозначительно уставился на огонь костра и лихорадочно размышлял. Чего он хочет? Как ответить?.. И вообще: а на самом-то деле, я забрал червяка?

Вспомнилась ночь в темной долине, ряды людей с горящими лучинами и огромный образ Змея на скале, подсвеченный кострами... И тут же – с болью где-то в районе сердца: да он же бросил тебя! Ни словечка от него не было за все эти годы скитаний!

Так, стоп! Выдохнуть. И до десяти досчитать. Общение с попами не идет мне на пользу: уже начинаю о своих фантазиях, как о реальных существах рассуждать.

А Человек ждал. Впившись в меня взглядом, словно клещ, ждал ответа. Да что ж ты мне душу теребишь?!

– Взял, – ответил, глядя прямо в глаза Тлакателью. – Я его взял. А вот пошел ли он со мной – не знаю.

Как ни странно, его эта туманная фраза устроила.

– Жди здесь, владыка, – велел он мне, спешно подвязывая плащ на плече. – Я скоро вернусь.

И не соврал. Пяти дней не прошло на этот раз, а нас осчастливили новой аудиенцией. Тлакатель, изменившийся так, что и не узнать, вел под руку совершенно оплывшего старика,

явно махнувшего рукой на войну с холестерином. Тучный дед, укутанный в сто одежек, раз-метал по плечам пышные седые пряди, и медленно ковлял по каменистому склону. Каждый шаг давался ему с усилием, но я не заметил в старике признаков недовольства. Наоборот, он слегка блаженно улыбался.

Завидев, наконец, меня, он ткнул в мою сторону сарделькой указательного пальца и громко спросил у Тлакатля:

– Что, вот этот?

– Да, благочинный, – с восторгом в глазах ответил Человек.

Старый толстяк снова бесцеремонно ткнул пальцем в мою иссохшую ручонку.

– Что бог тебе дал, отняв эту руку?

– Трудно объяснить... но много, – как на духу вылетело из моего рта.

Так я познакомился с верховным жрецом Умолкшего. Или Укрывшегося. Или Бога в Себе. Эти жрецы почему-то всё время называли своего «патрона» по-разному.

– Мне передали, что ты взыскуешь надежного убежища от одолевающих тебя врагов, – на диво поэтичного заговорил Тлатольчи – так звали старика. – Я дам тебе его.

Сердце ёкнуло. От надежды и страха.

– Но мне нужно именно надежное убежище... А я даже не знаю, что это за место.

– Ну... оно очень надежное, – Тлатольчи опять улыбнулся. – Это место... под землей. Оно просторное. Находится прямо в Чололлане, но в городе о нем не знают. И за городом – тем более. Вход в него надежно охраняют – и люди, и боги.

Под землей... Я представил, что снова смогу оказаться в темноте, в уединении... Это так манило! Но и пугало.

– А что защитит меня от вас?

Княжич Далекая Тайна, всё это время стоявший чуть в сторонке, не выдержал и подшагнул ко мне, хмуря брови.

– Послушай, четланин, – прошипел он мне прямо в лицо, с трудом сдерживая эмоции. – Это место священо, знают о нем немногие, а бывали внутри – единицы. Ты чем-то заинтересовал благочинных, тебе оказали величайшую честь... а ты тут выделяешься!

Ну, как объяснить парню, что мне его святыни до лампочки. Я хочу лишь покоя и безопасности. Да я бы и в эту нору не полез ни за что... только другой у меня нет. Этот мир полон опасности. Куда ни плюнь...

– Мы можем дать клятвы, – безмятежно глядя на свои руки, сложенные на огромном пузе, влез в мои размышления верховный жрец.

И они их дали. Это был длинный договор. Я уже как-то имел неосторожность заключить сделку, не слишком внимательно обсудив условия... И в итоге оказался глухонемым одноруким калеккой на троне, который не стоил и трех копеек. Так что Тлатольчи с Ичтакауэкой пришлось клясться в полном обеспечении моей безопасности, как в целом, так и в частности. Чтобы, значит, ни ножом, ни тыкали, ни ядом не травили, ни голодом и жаждой не морили. И тэ дэ и тэ пэ. А еще не позволят всё это сделать третьим лицам.

Когда шикаланки покорно поклялись уже в сороковой раз, и я почти согласился... выяснилось главное: зовут-то только меня. Одного!

– Не, так не пойдет!

– Но мы не можем пустить в сокровенное место сорок человек! – ужаснулся Тлакатль. – Это не постоянный двор.

– Эти люди – моя главная ценность, – я уперся рогом.

– И мы не оставим их без заботы, – снова улыбнулся старый жрец. – Юный господин Ичтакауэка – далеко не бедствует. У него много земель по югу нашей страны. Он с радостью позаботится о твоих людях. И кров даст и накормит. До тех пор, пока ты будешь гостить у нас.

Я посмотрел на своих. Те молчали. Только в глазах Серого читалось: ты, действительно, этого хочешь?

«А какой у меня выбор, Вапачиро?».

Глава 9

– Это уже Чололлан?

– Нет, владыка, – устало ответил Тлакатль.

Устало, потому что уже, наверное, в десятый раз я снова и снова спрашивал, но каждый раз оказывалось, что это просто очередная деревня. Люди тут жили всюду!

Уже сильно вечерело. Утром мы вышли так, чтобы к Чололлану подойти в темноте. И это было мое пожелание. Нас было немного: несколько монахов, княжич Ичтакауэка с личной охраной. А еще Серый с Вочтуикатой и Отмеченной Спиной.

«Я дойду, куда позволят монахи, – тихо, но непреклонно заявил Вапачиро. – А потом мы вернемся к нашим. И будем ждать твоих сообщений».

Волновался. Да, я тоже был весь на измене!.. Но, мне кажется, я уже подстраховался, как мог. Конечно, есть вероятность, что все эти шикаланки работают на астеков. Но, если это так... Если нас настолько обложили – то и сопротивляться нет смысла.

Конечно, и у княжича, и у жрецов есть какие-то свои интересы. Но свои! Причем, я подозреваю, что разные. Надо их вызнать... И, возможно, мы сможем договориться. Главная моя задача: доказать им, что сам по себе я более ценен, чем просто пленник, которого можно выдать астекам.

– Это уже город, – шепнул мне Человек, когда небо стало уже едва-едва светлее тверди.

А я и не сомневался, ибо уже вторую сотню шагов пялился на пару черных пиков, которые еще проглядывались на фоне густой синевы.

– Что это?

– Тот, что слева – это пирамида храма Кетцалькоатля, – ткнул пальцем Тлакатль. – Это один из самых почитаемых храмов Пернатому Змею в мире.

– А вот это, справа? – я решил продолжить играть роль экскурсанта и указал на массивную черную тушу правее. Если бы устремленный в небо храм Кетцалькоатля превратился вдруг в кусок теста и оплыл, то стал бы именно таким.

– Это – Тлачиультепетль, – чересчур невозмутимо ответил мой невольный экскурсовод.

– Ручная Гора?

– Рукотворный Холм, – уточнил молодой жрец. – Говорят, что когда-то его насыпали сами люди. Но так говорят лишь потому, что в Чололлане очень плоская местность. И простолюдины не верят, что холм тут мог появиться по воле богов, лепивших землю...

– Мальчик мой! – просипел старый жрец, с мучительной одышкой ковылявший за нами следом. – Ну, не надо уже! Говори правду, мы ведь почти у цели.

– Это твое будущее убежище, владыка, – улыбнулся Человек. – Там, глубоко под землей, находится наше тайное святилище, доступ к которому известен немногим.

– Погодите... Неужели ваш Чололлан настолько огромен, что тянется до того холма? – в темноте трудно было прикинуть точное расстояние, но это явно не один километр. – И мы будем идти через весь город по улицам?

– Нет и нет, – медленно ответил Тлакатль. – Наш Чололлан гораздо больше. Пирамида и Рукотворный Холм стоят в центре города. Так что он в два раза больше. Но идти по улицам тебе не придется. Нам сюда.

И молодой жрец указал на дом, буквально в полусотне шагов от нас. Обычный, вроде бы, глиняный дом с крышей из листьев. Разве что на платформе стоит. И дворик не огорожен.

– Что это?

Мне не ответили. Только старый Тлатольчи просипел:

– Настала пора, Хуакумитла, тебе попрощаться со своими друзьями.

Я повернулся к Серому. «Еще не поздно передумать» – блестели его глаза во тьме.

– Всё нормально, друг, – улыбнулся я. Ночью мне легче давались улыбки. – Я выясню, что это за место. Узнаю этих людей. Мы ведь проворачивали и более рискованные дела. Помнишь? И я буду писать послания, Дитя Голода легко их прочтает. Ждите меня!

И мы со жрецами вошли в домик. Это оказалось одно большое помещение без перегородок. Совершенно пустое, лишь циновки на полу и стенах и алтарь в центре. Алтарь?!

– Это храм? – спросил я очевидное.

– Верно, юноша, – пропыхтел Тлатольчи, опираясь на дверной косяк. – Это пристанище Умолкшего Бога. Здесь, на южных окраинах нашего альтепетля, где живет много шикаланков, мы содержим открытое святилище Укрывшегося.

– Такое маленькое, – не удержался я и прикусил язык, опасаясь, что обижу их.

Тлатольчи, отдышавшись, поманил меня к дальней стене, где чернел проход.

– Всё верно, четланин, совсем маленькое, – улыбнулся он. – Такое нам и нужно, ибо бог наш уже много поколений находится в опале. К тому же, он умолк, мы не можем являть волю его. Сюда ходят разве что крестьяне из окрестных общин. Им всё равно, какого бога молить о хорошем урожае. Так что этого святилища хватает. А прочие жрецы нас особо не замечают: мало ли среди крестьян живет мелких божков.

Мы проникли в соседнее помещение. Оно было поменьше и явно жилое. Тлатольчи тут же мешком свалился на многослойную циновку и застонал.

– Хвала Укрывшемуся... Я уж думал, не осилю этот путь! – старик почти сладострастно замычал, ерзая по лежанке в поисках наиболее удобного положения. – Прости, владыка, дальше ты продолжишь путь без меня. Тлакатель проводит и устроит тебя. А ты узришь наше истинное святилище. И обретешь, наконец, желанные покой и безопасность.

Тлакатель в это время запалил просмоленные факелы, откинул циновку, затем отложил несколько досок, которые накрывали черный провал.

– Мы пойдем под землей?! – изумился я.

Человек молча кивнул, а Тлатольчи добавил.

– Ты уж прости, я сегодня этот путь не осилю. Но завтра я приду к тебе – и мы многое друг другу объясним.

«Друг другу» – однако!

Тлакатель, тем временем, уже опустился в яму по грудь и протягивал мне факел.

– Следуй за мной.

Сначала мы ползли просто по земляной норе, в которой нельзя было подняться с колен. Я не сразу заметил – света было мало, но где-то через пару сотен шагов стены стали каменными. Они были сложены из грубо обработанных камней раза в три крупнее стандартных кирпичей. Подсветил наверху – а там высоко! Гораздо более крупные длинные блоки сходились одним над другим в клиновидную арку – можно было идти полусогнувшись.

И мы пошли. Долгое время это был просто коридор, который спустя несколько сотен шагов вдруг разветвился. Мы свернули, потом еще – я быстро понял, что теряю ориентацию. Но, судя по всему, мы уже под Рукотворным Холмом.

Новый поворот. Мне сразу бросилось в глаза то, что коридор вдруг изменился: справа он оставался прежним, а вот левая стена оказалась сложеной из просто огромных блоков! Эти камни явно лучше обработаны, местами пламя факела высвечивало какие-то узоры. И создавалось ощущение, что эта стена уходит и вниз, и вверх от нашего коридорчика.

– Что это? – изумился я. – Какое-то здание?

– На все вопросы тебе ответит благочинный Тлатольчи, – невозмутимо отшил меня Человек.

Странный коридор закончился тупиком. Налево от него уходил новый коридорчик, который вел налево и опускался полого вниз. Он был совсем тесный, особенно, для моих габаритов. Я несколько раз стукнулся головой о свод, собрал кучу пыли и мусора – и тут наш путь

закончился. Мы оказались в просторном помещении. Шага четыре в ширину, но очень длинное, оно вяло освещалось несколькими лучинами. На входе нас встретили двое удивленных и заспанных жрецов, которые почтительно склонились перед Тлакательем.

«Какие бледные и худые! – пожалел я ребятишек. – Видно, много времени живут под землей».

Огляделся. Здесь тоже свод состоял из сходящихся плит, и до верхней точки было не меньше трех метров. Я с наслаждением распрямил спину и потянулся. Света в зале маловато, но мне удалось рассмотреть, что стены расписаны. Фрески оказались полуистерты, да еще и завалены нагромождением мешков, корзин, ящиков. Какой-то склад, а не святилище.

Тлакатель поманил меня за собой. Я увидел, что в зале боковые стены утыканы по меньшей мере десятком проходов. Правда, некоторые из них завалены камнями.

– В любые двери слева ты можешь ходить невозбранно, Хуакумитла, – степенно пояснил Человек. – А вон в той комнате можешь поселиться. В правые двери тоже можно ходить, но я бы просил тебя не делать это в одиночку. А в конце зала вход в святилище. Туда, по крайней мере, без благочинного Тлатольчи, тебе нельзя. Надеюсь на твою почтительность, владыка.

– Ну, разумеется, – ответил я.

Тлакатель хлопнул в ладоши, служки тут же принесли мне кувшинчик с чистой водой, блюдо с несколькими лепешками и какой-то зеленью.

– Отдыхай, – вежливо кивнул жрец и направился к выходу.

А я... Я вошел в указанную дверь, загнал догорающий факел в какую-то щель, нашел циновку, уселся на нее, поел, попил от души, потом закутался в многослойный плащ – и улегся спать в почти полной темноте и тишине.

Божечки мои, как же мне было хорошо! Это оказалось просто райское место. Служек из комнаты не видно и не слышно, так что мне казалось, будто я здесь один во всей вселенной.

Как мне и хотелось.

...Под землей, как известно, утро не наступает. Наверняка я проспал часов десять, а то и двенадцать. Потому что проснулся чрезвычайно отдохнувшим. В комнате стало немного теплее: видимо, в этом подземелье есть вентиляция, и к нам проникал нагретый солнцем воздух. Что ж, это прекрасно! Здесь можно жить, вообще не вылезая на поверхность!

Возле меня стояло блюдо со свежей едой. Это что значит? Ко мне кто-то заходил, пока я спал? Так!.. Мне это не нравится. Но перекусил я всё равно с огромным аппетитом.

В моей комнате царил практически полная темнота. А вот из коридора явно заметны отблески света. Собрав «посуду» я осторожно подкрался к дверному проему. Там, у самого выхода, в специальном очаге ярко полыхал целый костер, вокруг которого расселись человек шесть. Дым бодренько улетал куда-то к потолку и исчезал в складках камней. Да, здесь явно есть проходы для воздуха.

– Ну, выходи, не стесняйся, – вздрогнул я от кряхтящего голоса, заполнившего своды зала. – И здоров же ты спать... владыка! Заждались уже тебя.

...Мы сидели вокруг костра и курили. Черт, я впервые за семь с лишним лет в этом мире курил! Четлане такой формой расширения сознания не увлекались, у сапотеков как-то не довелось... а в Чололлане – уже на второй день. Нет, никакой трубки по кругу. Без этих ваших голливудов. У каждого жреца имелась своя крайне индивидуальная глиняная трубка, мне тоже выделили из запасов. Мою долго освящали всякими ритуалами, капнули кровью из моего же пальца. А вот курительную смесь готовили одну на всех, потом затабачили трубки, раскурили. Я некурящий вдвойне: ни в той, ни в этой жизни подобной гадостью не пользовался. Поэтому вдыхал крайне осторожно, стараясь, чтобы в легкие особо не попало. Но меня всё равно скрутило, в груди начало царапать. Я долго не мог вдохнуть, а потом люто закашлялся... Но через пару вдохов моя голова поплыла, покачиваясь на волнах истончившейся реальности.

Нет, ничего похожего на приход в храм Медработника... Просто расслабляющий туман окутал меня. Сделал жизнь приятнее и проще.

– Я знаю, что у тебя много вопросов, Хуакумитла. Но у меня они тоже есть. Будем задавать их друг другу. Идет? – спросил старый жрец. Я взвесил все многочисленные за и против... и степенно кивнул. – Тогда ты первый?

– Мы в храме, – уверенно заявил я. – Я видел огромную стену. И его не построили внутри холма. Нет!.. Это холм появился над храмом. Расскажи мне, благочинный, как так вышло?

– Всё верно, – улыбнулся жрец. – Не только храм. Под холмом – целая пирамида. Десять-двенадцать поколений назад о ней знали все в городе. Все в восточной долине. Возможно, даже и в западной долине не было столь великого храма.

– Такой храм построили шикаланки? – изумился я. Пожалуй, чересчур театрально.

– Почему шикаланки? – прищурился Тлатольчи.

– Ну... Мне княжич... Ичтакауэка мне рассказал, что еще при тольтеках тут поселились шикаланки, построили города, возвели храмы. А потом уже пришли дикари из Чикомостока и порушили их города. Только ваш не стали. Назвали Чололланом и стали править.

Жрецы тихонько засмеялись, переглядываясь.

– Мальчик, – ласково пояснил коллегам старик. – Откуда ему знать. Да и зачем молодым это знание... Хуакумитла, княжич тебе почти не соврал. Шикаланки пришли сюда от северного моря еще при тольтеках. И города они строили. Но только одна неправда. Этот город уже стоял, когда сюда пришли дикие шикаланки. Он стоял, когда в восточную долину приходили другие завоеватели, имена которых давно забыты. Они уничтожали города, строили новые. Но только не наш Чололлан. Ибо это самый древний город восточной долины! Он стоял всегда. Он принимал и впитывал в себя всё новые племена, которые селились в этих благодатных местах. И всегда этот город защищал великий древний храм, в котором жил великий бог.

Жрецы закрыли лица руками.

– Наш бог. Который тогда носил другое имя.

– Ничего себе... – ошарашенно прошептал я, роняя трубку.

– Шикаланки тоже пришли и приняли нашего бога. Они разумно захотели увеличить свою силу силой могучего и мудрого бога. Не они первые...

– Но они последние, – проникновенно закончил я.

– Верно, – вздохнул Тлатольчи. – Народы из Чикомостока оказались иными. Они шли со своими именами и своими богами. Чолольтеки не стали уничтожать город – слишком он был ценным, слишком богатым. Тогда они сделали его своим, дав городу свое имя – Чололлан. Но их бог Кетцалькоатль, что вел чололтеков вперед, заявил им, что его людям не нужна иная сила и иная мудрость, кроме его собственной. И дикари напали на древний храм. Они изгнали жрецов, разобрали храм, чтобы построить пирамиду Кетцалькоатлю, а на старом месте насыпали холм. И велели всем забыть об этом месте и об этом боге. И бог ушел.

Старый жрец вытряхнул прогоревший табак. Помолчал.

– Чололтеки не знали, что разрушенная ими пирамида – это только часть храма. Потому что до шикаланков на этом же месте храм нашему богу строил другой народ. А до него – еще один. Здесь пирамида стоит на пирамиде... А жрецы были изгнаны и перебиты не все. И те, кто выжил, поддерживают место Укрывшегося Бога, заботятся о нем. Надеюсь, что он вернется.

И мы долго молчали. Только служки подкидывали новые полешки в огонь.

– А что вы меня хотели спросить? – нарушил я, наконец, тишину.

– Да, Хуакумитла, – словно очнулся старик. – Что ты знаешь о дымящихся горах?

Что? Они спрашивают меня про вулканы? Я уточнил.

– Да, о них, – кивнул Тлатольчи. – Ты не мог их не видеть: Дымный Холм, Спящая Женщина и Тлалок на западе и Госпожа Синей Юбки на востоке. Есть и меньшие, но эти – самые великие.

– Ну, – протянул я, вспоминая редкие просмотры «Дискавери». – Это горы, которые хранят в себе невероятный жар. Такой жар, что могут расплавить камень. Озеро такого расплава живет в его недрах многими поколениями. Но иногда жару становится тесно внутри – и он прорывается. Дымящаяся гора раскалывается. Часто на вершине, но иногда и в нескольких местах. Происходит...

Я вдруг понял, что не знаю слово «взрыв». Не только на науатле, но и по-четлански.

– Словно в холодную воду кинули раскаленный камень. Шум, брызги, жар, осколки во все стороны летят. Гора выбрасывает дым в небо, и то чернеет. Иногда на много-много дней. От черного неба даже холода могут наступить. А из жерла вытекает расплавленный камень. Он медленными реками стекает вниз и сжигает всё на своем пути. А с неба падает пепел. И покрывает всё толстым слоем. Позже, спустя годы, этот пепел станет плодороднейшей землей. Но сначала он уничтожает всё живое...

Я так сосредоточился на своих воспоминаниях, что не особо смотрел на своих собеседников. А, когда, наконец, глянул, то увидел перепуганные лица. Даже старый Тлатольчи выглядел потрясенным.

– Скажи нам, владыка: а в твоей земле нет таких гор?

– Нет, – пожал я плечами.

– А в Стране Облаков?

– Кажется, тоже нет.

– Тогда откуда ты всё это знаешь? – полушепотом спросил Тлатольчи.

А действительно! Откуда дикому индейцу знать о том, что в его родном краю никогда не случается? У него-то нет среднего общего образования. И кабельного телевидения тоже нет.

«А! – махнул я рукой. – Буду честным».

– От телевизора, – ответил я и улыбнулся.

Глава 10

В тот день мы немного еще поболтали. Я напомнил, что должен писать послания своим друзьям, и попросил выдать мне бумагу-аматль с краской. И пожаловался, что для писания в этом святилище темновато.

– Мне бы свечей... – протянул я и, в ответ на закономерный вопрос: а чаво это такое, тут же выдал небольшую лекцию о свечном производстве. – Вы спросите у моих людей, они знают, как делать.

Здесь меня внимательно слушал уже Тлакатель. Видно, что он обязательно попробует сделать эти странные штуки – свечи. А значит, мой личный рейтинг полезности вырастет. Кстати, на следующий день рядом с Человеком сидел служака с лоскутом кожи и кисточкой: делать важные пометки. Я присмотрелся к тексту, насколько позволяли отблески костра: вообще не похоже на закорючки сапотеков! У них тут что, у каждого племени своя письменность?! Что-то нам в школе не то про индейцев рассказывали...

Пользуясь случаем, я подкинул Тлакателью идею восковой таблички для черновых записей. Не надо переводить кожу или аматль: написал на воске, потом стёр, когда не надо – и снова пиши.

– Как вы активно воск используете! – улыбнулся молодой жрец, растянув пушок над своей верхней губой.

А меня озарило! Воск мы и впрямь активно использовали (это я ему еще про отливки из восковой фигуры не рассказал), но так вышло, что четланам дикого воска хватало. Но ведь пчел можно и приручить! Раньше мне как-то было не до этого, да и знал я про пчеловодство совсем мало, но тут напряг память и давай рассказывать Тлакателью про пчелиные семьи, про ульи, которые можно было делать из досточек или из крепких корзин. Про то, как ставить пасеки на богатых цветами землях. Жрец уже прочухал, что из моего рта исходят полезные мысли, так что старательно записал и это. Хотя, я не знаю, удастся ли ему реализовать этот проект на основе моих слишком общих советов.

Но каждый день, после «перекуров» и бесед о высоком, я что-нибудь вкидывал персонально для Человека и его помощников. То захныкал, что хочу нормальную ложку и вилку... «Ну, вы спросите у моих людей, они знают, как делать». Потом рассказал им о такой гениальной штуке, как карман на одежде – это был фурор! Заодно подсказал: вы гляньте, какие у моих людей пояса с сумками имеются.

Очень хотелось завести в подземелье удобную постель, стул и стол, но я уже имел богатый опыт внедрения мебели в этом мире и знал, что такими штуками индейцев не заинтересую. Особенно, стульями.

При всей моей новой райской жизни в темноте, комфорте и уединении, имелся в ней один минус: скука. Когда появились свечи, я облазил все дозволенные помещения святилища. Упросил старика Тлатольчи сводить меня в дальнюю комнату, где оказалось не так и интересно. Ну алтарь, ну какие-то святыни. Я исследовал все фрески, снова занялся физическими упражнениями... Но времени оставалось очень много. Тогда я решил изучить местную письменность. Тлакатель с радостью согласился учить меня, но в обмен потребовал научить его четланской грамоте. Он долго доходил до буквенно-слоговой системы. Я прогрессировал заметно быстрее. А что: делать мне нечего, можно часами зубрить. Через какое-то время даже попросил местные книжки – почитать.

Книжки странные: отдельные листы у них склеивались в длинную полосу и складывались в гармошку. Как можно догадаться, беллетристики у жителей Чололлана не имелось. Только бухучет да священные тексты. А еще – к моему дикому удивлению – стихи! Я жадно хватал всё, что несли, но быстро понял, что местная письменность все-таки не универсальна. Даже зная

науатль, я многого не понимал, смысл угадывался интуитивно. Так что во время чтения мне требовался местный подсказчик, который помогал уловить смысл. Ночкина грамота оказалась круче в разы!

Спустя какое-то время мне начали устраивать свидания. Для этого приходилось топтать через все подземные коридоры до внешнего святилища Укрывшегося Бога. Там, в задней комнате, мы виделись с Серым и Дитем Голода или с Серым и Черным Хвостом. Встречи выходили слегка неловкими. Видно, что четлане ждут, когда я уже вернусь к ним, и мы начнем... А я с каждым разом всё острее понимал, что хочу остаться. Чувство безопасности и доверия к жрецам росло – что еще нужно?

– Какие новости? – обычно спрашивал я у Вапачиро. – Все ли здоровы?

– Здоровы, владыка, – отвечал Серый. – Мы небольшими группами в трех селениях живем. Совсем близко друг от друга, можно добежать, не запыхавшись. Люди там верные княжичу, нам помогают. Но мы всё равно в горах свой личный маленький лагерь обустроили – на случай чего.

Выяснилось, что без дела ребята не сидят.

– Спасибо, владыка, что со свечами подсказал шикаланкам. Сейчас почти половина наших по полдня ими занимаются. Полдня тренировки, а потом – свечная мастерская. Местные отвозят в Чололлан на рынок, привозят новый воск. Но и другими делами занимаемся. Волос с Хадани печь литейную построили, лют медную мелочевку. Они, кстати, спрашивают: а можно для местных делать ножи или топоры?

– Из меди? – уточнил я. – Да пусть делают! Скажи нашим, пусть делают всё, что умеют. Кроме двух вещей: стек-тлы и тумбаги. Это без моего соизволения – ни-ни.

– Дитя Голода уже небольшую шоколу обустроил, – продолжал рассказывать новости Серый. – Учит местных грамоте. И представь, шикаланки ему даже платят за это!

От таких новостей становилось легче на душе. Но я видел, что друзья мои уходили из святилища поникшими. Ну, а что делать?

С приближением сухого сезона жрецы убедили меня на прогулки по городу. Оказывается, из подземелья имелся и гораздо более близкий выход на поверхность. Я всегда выходил утром или вечером, ибо привыкшим к темноте глазам на солнце было тяжело. Да и людей меньше. Меня рядили в жреческие одеяния, которые удачно скрывали увечную руку, а красная краска кающегося послушника делала неузнаваемым лицо. Если тут было кому узнавать.

Я, наконец, увидел свое убежище снаружи и вблизи. Совершенно ничем не застроенный симметричный холм, покрытый колючим кустарником. «Даже странно, что местные не задумываются о том, что за холм стоит в центре их города», – дивился я.

Чололлан же оказался огромен! И люди даже в утренние часы бродили по улицам толпами! Удивительно, но здесь и впрямь уживались самые разные племена. Я поговору и одежде начал распознавать чолултеков и шикаланков, а были ведь еще и многие другие. Уже на третьей прогулке мы наткнулись на астеков. Я запаниковал, едва не бросился в бегство, но меня смогли удержать и неспешно увели в подземелье.

– Как так?! – тяжело дыша, возмущался я. – У вас в городе астеки? Что они делают тут?

– Что с тобой, владыка? – изумлялся Тлакатль. – Конечно, у нас есть астеки. На рынке их вообще полно. Кто-то приходит специально, чтобы посетить наш храм Кетцалькоатля. Через город проходят караваны торговцев-почтека.

Жрец задумчиво смотрел на меня, сидящего в самом темном углу своего логова.

– А вообще, я разделяю твою тревогу, Хуакумитла, – задумчиво заговорил жрец. – Чолултеки в городе всё больше и больше привечают астеков. Говорят даже, что Белая Рыба Амилотль – их предводитель – хочет породниться с правителем Теночтитлана.

И посмотрел на меня – выразительно так.

В общем, я потом дней десять никуда ходить не хотел. Снова начались ежедневные «перекуры», неспешные расспросы. Старого Тлатольчи мало интересовали свечи, вилки и прочие ноу-хау. Не каждый день, но частенько он возвращал наш разговор к Золотому Змею.

– Расскажи, как вы его почитали?

– Змей любит любые подношения, – начал я издали. Конечно, любые: жрецам же тоже кушать надо. – Но самый ценный дар – это кровь человека.

И я рассказал о ритуале вызова добровольца. Конечно, доброволец был необязателен, сойдет и пленник. Только вот в давние времена у четлан с пленниками дела обстояли негусто. А значит, искали добровольного жертвователя. Я описал кровавый ритуал выкачивания крови, от которого в первый раз меня едва не вывернуло.

– Но при мне этот ритуал прекратился, – добавил я.

– Как это? – изумился старик. – Как же бога без жертвы оставили?!

– Не оставили, – и я рассказал жрецам о введении божьих людей. Тех, кто отдавал свою кровь богу, кто стал делать это добровольно, но отдавал ее не всю. Раны жертв залечивали, а сами люди после жили при храме, помогая жрецам, работая на них.

Теперь меня слушали, наострив уши. Я снова залез на скользкий лед – тут можно и зад отбить.

– А почему ты решил отменить смертные жертвоприношения? – тихо спросил меня Тлатольчи.

– Почему это я? Это нашему верховному жрецу явился Змей и дал новое наставление... – старик сверлил меня своими глазами; видно было, что он всё понимал... И я не выдержал. – Да потому что не может богу быть угодна смерть человека! Я не знаю, насчет крови. Конечно, это великая сила, и она поддерживает силу богов... Но боги дают человеку жизнь для того, чтобы он прожил ее сполна. Многого достиг, многое создал, воспитал потомков. Вот такая жизнь угодна богам. Они наверняка осуждают преждевременные смерти людей.

– Почему же они не говорят об этом людям? – спросил Тлакатль.

– Ну, вот: Змей сказал, – улыбнулся я.

– Он тебе сказал?! – старый жрец подался вперед.

Я испугался и принялся оправдываться: мол, фигурально выразился, не цепляйтесь к словам. Попы постепенно успокоились, а я поспешил сменить тему рассказом про очередную вундервафлю. На этот раз предложил им молоть маис на жерновах, а не на примитивных зернотерках. Я даже заранее из глины и палок модельку смастерил, чтобы видно было, как оно работает.

– А если вот так перекладину поставить и пристроить к ней пару человек – они столько муки намелют! – попытожил я. Конечно, еще лучше поставить туда быка или лошадь... да где ж их взять!

Последние дни всё чаще к «перекурам» присоединялся княжич Ичтакауэка. И мы, по понятным причинам, всё больше говорили о политических вопросах. Я выяснил, что в каждом альтепетле кроме правителя-тлатоани имеется высший совет. И он вроде бы и подчиняется тлатоани, а с другой стороны – сам имеет право избирать нового. И прямое наследование от отца к сыну здесь совсем необязательно! В Чололлане в совет входили высшие чиновники и знатнейшие аристократы, которые владели огромными земельными угодьями. Целые общины порой жили и работали на земле этих людей. В основном, аристократы сами были и чиновниками. В совет входил лидер чололтеков Белая Рыба, а, с недавних пор, после скорострительной гибели отца, и наш друг Ичтакауэка. У него, правда, никаких должностей не имелось. А еще в совете были два верховных жреца – Кетцалькоатля и Тлалока.

– В принципе, они городом и правят, – вздыхал княжич. – В совете все грызутся: тлашкальтеки против чололтеков, шикаланки против всех. А жрецы почти всегда заодно. Земли у храмов много, почитателей – тысячи. Правда, сейчас жрецы слегка рассорились. Ишайотль

их храма Тлалока держит сторону тлашкальского тлатоани. А Чолоани, верховный жрец Кетцалькоатля, видит, что тлатоани совсем стар и скоро уйдет к богам. И прямого наследника у того нет. Так что Чолоани готовит в совете кандидатуру нового правителя. Амилотля, конечно. Белую Рыбу.

Я слушал и начинал понимать, к чему они все клонят. Почему меня водили по улицам, показывали, как богато живут захватчики, и как бедно – несчастные шикаланки. Почему мне твердили, что чололтеки во все дёсна дружат с астеками. С астеками, которых я так боюсь и ненавижу!

Здесь, у костерка в подземелье, собралась чололланская оппозиция. Юный лидер шикаланков, популярный в народе, герой битвы у Атлишко, но не имеющий веса в совете. Жрецы бога, которого почти весь город прочно забыл, и которые, конечно, даже рядом не стоят с культами Кетцалькоатля и Тлалока. А хотелось бы.

И вот подпольщики всячески помогают калечному бродяге с неоднозначной репутацией. Накачивают меня нелюбовью к чололтекам и, видимо, прикидывают, как можно меня использовать.

Я улыбнулся. Да, прямее можно действовать, друзья! Я лишен всего и ухвачусь за любую возможность подняться. Чололтеки, шикаланки, тлашкальтеки – за любого пойду, лишь бы астекам не выдали...

Только вот чем я вам помогу, дорогие вы мои? В Стране Облаков я имел хотя бы какой-то ударный кулак. Мои пять сотен на локальном участке фронта могли дать прикурить любому. А здесь – две двадцатки бойцов. Даже при полном содействии местных властей стать костяком новой обученной и вооруженной армии они смогут оочень нескоро! Слишком мало кадров.

Технологии? Это да. Технологии и опыт организации – это у меня есть. Только вот в данной ситуации они не дадут мне решающего преимущества. Разве смогу я организовать производство тумбаги и незаметно вооружить и обучить несколько тысяч шикаланков под боком у их конкурентов? Да, даже под боком у астеков это трудно сделать! Вычислят.

Вычислят – и пропадет мое прекрасное уединенное убежище. Если я сам не пропаду... Нет, мне эти игры не нужны. Я хочу только тихо и незаметно жить. Без боли и страха.

Только вот у моих гостеприимных оппозиционеров, кажется, другие планы. Пока они видят во мне ценность: вот тебе, Сухая Рука, и кров, и плов. А, когда поймут, что пользы от меня – нуль (ну, свечки, ну, ложки) – вышвырнут, как непрописанного родственника!

Что делать? Как не потерять жилплощадь, но и живым остаться?

Не знаю пока. Нужно больше информации.

– Ичтакауэка, расскажи мне о тлатоани? Что это за человек?

– Попокаитцин? Он... мудрый правитель. Думает о силе города. И астеков тоже не терпит. Но он слишком старый. Страх управляет им. Решительности нет. Когда Атлишко воззвал с просьбой о помощи, Попокаитцин не решился послать войско. Испугался воевать с астеками. Но мне потихоньку разрешил выступить... А сколько у меня людей? Если по всем усадьбам собрать – то двадцать двадцаток воинов едва-едва наберется! – княжич обреченно махнул рукой.

Вот такие масштабы! Для меня 400 воинов – это крепкий отряд. А по меркам Чололлана, значит, ни о чем войско. Запомним.

– Нам повезло, что Уэшотцинго откликнулся! – продолжал рассказ Ичтакауэка. – Вот там тлатоани! Чияукоатль, постарше нашего будет, а храбрости ему не занимать!

Такой большой, а всё храбростью меряет. Я вздохнул. Понятно, что оба старика взвесили за и против и приняли то решение, которое им показалось выгодным.

– Ичтакауэка, а ты не думаешь, что Попокаитцин, зная, что у тебя мало воинов, послал тебя на смерть?

Парень так и застыл. Нахмурился.

– Да нет. Невыгодно ему это. Без меня чололтеки вообще всю власть в совете заберут. Так, отметим, что все-таки некоторое умение политически мыслить у княжича есть.

Пациент не безнадежен.

– А, если вдруг Попокаитцин завтра внезапно умрет. Что будет дальше?

– Совет соберется, будут выбирать тлатоани. И побыстрее.

– Почему побыстрее?

– У старика в Чололлане нет ни сыновей, ни племянников. Передать власть некому. А вот на севере, в тлашкальских альтепетлях родни много. Пусть дальней, зато у них тысячи воинов! Когда они придут в Чололлан, голосовать будут их обсидиановые маки.

– Значит, торопиться будут, – рассуждал я. – Ну, и кто победит, по-твоему?

– Амилотль, – скрежеща зубами, выплюнул имя Ичтакауэка. – Белая Рыба проклятая.

Он управлением ведает, его храм Кетцалькоатля поддерживает, у него и воинов немало. Тут всё зависит от того, договорятся ли жрецы. Ну, и от меня.

– От тебя?

– Ну да. Если мы с жрецом Тлалока упремся, то всё надолго затянется. Амилотль даже как-то подходил ко мне. Намекал. Земли сулил.

– А ты ему что? – я аж задержал дыхание.

В ответ Ичтакауэка только гордо подбоченился, и стало понятно, что ничего хорошего этот храбрец Белой Рыбе не ответил. Балбес!

Но все-таки разговор оказался полезным. Получается, наш мальчик всем нужен в качестве союзника. И чололтекам, и тлашкальтекам. Но в качестве кандидата на него даже не смотрят. А если шире взять? Белая Рыба явно выгоден Теночтитлану. Но тогда Тлашкале (которая не переставала воинственно бряцать оружием против астеков) этот тлатоани категорически не выгоден...

Сложный ребус. Я так и не подобрал ключик к его решению. Понятно было только то, что фактор времени здесь очень важен.

А потом мы всё забыли. Чололлан загудел от шокирующей новости: тлатоани великого города Уэшотцинго, «храбрый» старик Чияукоатль – умер. Внезапно и скоропостижно.

Ну, и кому тут нужна храбрость?

Глава 11

– Трусливый тапир! – Ичтакауэка бурлил и кипел. Ему просто необходимо было выразить свои эмоции прежде, чем обрисовать суть проблемы.

Традиционный утренний «перекур» он пропустил, зато внезапно появился под вечер. Никого из старших жрецов в подземелье не было, но служки пропустили его беспрепятственно. Я пригласил юношу к себе, запалил дополнительные свечи, сел на комфортном расстоянии от гостя.

А гость всё никак не могу уняться. Бродил от стены к стене взбешенным ягуаром, разминал кулаки и сыпал нелестными сравнениями.

– Ну, и кто у нас тапир? – не выдержал я.

– Попокаитцин, конечно! – прорычал имя старого тлатоани княжич. – В Атлишко он, хотя бы, меня отпустил. А вот уэшотцинкам вообще запретил помогать! Трус!

– А в чем нужно помогать уэшотцинкам? – не понял я.

– Ты что, ничего не слышал?! – изумился Ичтакауэка. – Астеки напали на Уэшотцинго!

Я развел руками, показывая, где я нахожусь.

– Конечно, не слышал, высокородный. На советы меня не приглашают. По рынку я тоже не хожу, сплетни не слушаю. Новая Цветочная война?

– В том-то и дело, что нет! Месяца не прошло, как в Уэшотцинго умер тлатоани, а астеки напали на город. Тайно! Будто готовились!

Ага... И будто знали заранее, что город будет обезглавлен. Уэшотцинго заметно поменьше Чоллолана. И Глашкалы тоже, если брать все четыре альтепетля ее составляющие. Но этот город стоял на склонах вулкана Истаксиуатль (это который Спящая Женщина). Стоял на высокой площадке, окруженной естественными рвами, которые проточили горные потоки в вулканической породе. Так что этот альтепетль имел прекрасную защиту, уэшотцинки всегда готовы к обороне, и штурмануть его ой как непросто. И вот, поди ж ты...

– Расскажи об этом, – попросил я шикаланка.

И передо мной раскрылась красочная картина очередной «рыцарской истории». Астеки решили напасть на город внезапно, поэтому пришли на склоны вулкана небольшими силами. И уэшотцинки, судя по всему, их проглядели. Нападение вышло совершенно неожиданным, но... Но на пути у грозных захватчиков оказалась площадка для игры в мяч. И на этой площадке как раз играл Тольтекатль. Я слышал уже это имя: могучий воин и сын помершего тлатоани. Только он почему-то так и не стал преемником: в городе началась какая-то замятня, жрецы тащили своего кандидата, семья правителя была против.

«В этой связи нападение астеков малыми силами и именно туда, где опальный царевич играет в мячик, можно оценить иначе», – задумался я.

Однако, планы коварных астеков (если таковые имелись) не осуществились. Тольтекатль, по понятным причинам, был одет «чисто по спортивке». То есть, почти голенький, только защита бедер и рук от тяжелого каучукового мяча. Ну и «спортивная шапочка»... с перьями. Однако, наследник тут же кинулся в самую гущу врагов и принялся их раскидывать голыми руками. Потом отобрал оружие у нападавших и добил тех, кто остался.

Я понимал, что игра в мяч – это минимум две команды игроков. Крепких спортивных мужиков. К тому же, такие игры обычно смотрят десятки и сотни зрителей... И вообще, царевичи без свиты только в туалет ходят. То есть, наверняка в том бою поучаствовала немалая толпа уэшотцинков. Но Ичтакауэка расписывал мне это, как единоличное побоище Тольтекатля против большого отряда астеков. И его ничего не смущало!

– Он разил врагов налево и направо! – с горящими глазами живописал княжич. – Пока те, испуганные, не отступили. Тольтекатль захватил даже пленника! За волосы притащил его

к алтарю и принес в жертву, тем самым, искупив грех незавершенной игры в мяч. Он содрал с пленника кожу, велел выделать. И поклялся, что будет носить ее вместо доспеха во всех битвах против ненавистных астеков!

Меня невольно передернуло. А вот по глазам Ичтакауэки наглядно читалось, что он готов отдать все свои богатства за возможность оказаться рядом с великим героем! Бить врагов голыми руками, сдирать с них шкуры, давать пафосные клятвы!

Безумство храбрых...

– После такого подвига народ Уэшотцинго превознес Тольтекатля! Все начали кричать: новый тлатоани! Новый тлатоани!...

– Но... – философски произнес я.

– Чего?

– Говорю: дальше случится «но».

– Ты воистину мудр, Хуакумитла. Жрецы воспротивились избранию нового тлатоани. Прежде всего, слуги бога-защитника города – Камакстли. Раньше они только пакостили исподтишка, но теперь стали поднимать людей с оружием против сторонников великого героя...

– И?

– И мы должны помочь! Тут же видно подлую руку Теночтитлана! Мы должны поддержать и защитить истинного тлатоани. А Попокаитцин испугался. Запретил!

– Ты хочешь вмешаться в волю богов? – удивился я.

– Все мы знаем, что не всегда жрецы говорят от имени богов. Бой на площадке для игры в мяч – вот воля богов! Недаром место священное. И народ в Уэшотцинго правильно прочитал эту волю.

– Но выступить вам придется против жрецов. И многие воспримут это именно так: войско Чололлана вышло против богов. Чужаки! Против их богов! А как на это могут отреагировать астеки? Они очень злы на Тольтекатля. Наверняка хотят ему отомстить. И тут вы – да против жрецов независимого альтепетля. Это ли не повод вмешаться? Уж они вмешаются! А потом и Чололлану предъявят!

Ичтакауэка погрузнел. Он еще не умел самостоятельно ставить себя на место оппонента, просчитывать его ход мысли. Но, когда я его подвел к этому – парень всё понял.

– И ничего нельзя сделать?

Нельзя? Я задумался. Тольтекатль – очевидный враг астеков. А, значит, крайне полезный мне (нам?) человек. И, надеюсь, моим шикаланкским союзникам. Но власть его слишком хрупка, а он, как и мой пациент Ичтакауэка, умеет геройствовать, но не играть в политические игры. Вряд ли, удержится, особенно, при активном участии астеков. И помогать ему в открытую опасно.

Но в открытую ведь не обязательно?

– Пошли к нему тайных гонцов, высокородный. Узнай, что Тольтекатлю нужно для борьбы. Может быть, ты или наши жрецы смогут ему помочь. Но помощь должна быть тайной. Ты уж прости, но старый Попокаитцин прав – опасно сейчас объявлять себя врагами астеков.

Но и бездействовать, похоже, еще опаснее – это я уже про себя подумал. Жители восточной долины слишком привыкли к своему особому положению. Полвека никто не посягал на их свободу. А теперь! Сначала – нападение на Атлишко в нарушение договора. Года не прошло – удар по Уэшотцинго. И здесь, в Чололлане тоже идет подковёрная грызня. Возникает ощущение, будто в Теночтитлане решили, что им не нужен «рынок» для жертв. Видимо, обычных войн так много, что им и Цветочные не особо нужны. И поэтому Ауисотль хочет потихоньку подмять восточную долину под себя.

– Ичтакауэка, у меня к тебе просьба: пусть твои люди или жрецы собирают все слухи про Уэшотцинго. И сообщайте их мне. Трудно делать какие-то выводы, когда так мало информации.

Княжич пообещал посодействовать. А я даже решился снова выйти в город. Походить, послушать.

А послушать было что. Новости от соседей приходили ежедневно. В Уэшотцинго началась настоящая гражданская война. Тольтекатль провозгласил себя тлатоани, но часть города ему не подчинялась. Правитель даже попытался в политтехнологии: он обвинял жрецов в том, что те заходили в дома горожан и воровали у них маис и индеек. А самые оголтелые подглядывали за купающимися женщинами и крали их одежду! Это было так топорно, что я еле сдерживал смех.

А жрецы тоже выступили на чужом поле. У них откуда-то появились небольшие, но хорошо вооруженные отряды (хотя, понятно откуда). Которые стали нападать на сторонников Тольтекатля. Особенно, на простых и безоружных. Запугивали их.

Пролилась кровь.

Переговоры Ичтакауэки с соседским тлатоани буксовали. Трудно было организовать всё в тайне, хотя, города располагались близко друг от друга. Бегун за полдня одолеет это расстояние, даже караван, если поднатужится, за день пройдет. Но события разворачивались всё стремительнее. Особенно, потрясла меня история с верховным жрецом их племенного бога Камакстли.

– Была новая стычка, в самом центре города, – рассказывал мне один из служек с выпученными глазами. – Жрец бога-защитника Уэшотцинго с помощниками вынесли некий... сосуд. Пока люди Тольтекатля собирались вокруг, осыпая их гневными криками, жрецы занялись колдовством. Верховный пел песни, творил заклинания – и вдруг сосуд пыхнул огнем на сторонников тлатоани.

– Чего?! – я едва не подпрыгнул на месте.

Вот чего-чего, а огнемета я здесь не ожидал. Или это какая-то древняя пушка, каким-то образом попавшая на западный континент... Или еще один попаданец балуется прямо у меня под боком?!

Жрецы с легким ужасом смотрели на меня.

– Тебе... знаком этот сосуд, Хуакумитла? – спросил Человек.

– Я не уверен, – искренне ответил я. – Скажи, Шихтли, а извержение пламени не сопровождалось громом? Подобного небесному?

– Не знаю, владыка, – пучеглазый служка испуганно отодвинулся от меня. – На рынке об этом ничего не говорили.

– А что говорили? Подробности говори! – я хотел его за грудки трясти.

– Люди испугались, узрев силу богов. Многие разбежались. Тольтекатль с самыми верными людьми заперся во дворце. Они не выходят оттуда...

– Скажи, а сосуд жрецов огнем пыхал один раз или несколько? – ну, хоть что-то полезное мне скажи, недотепа!

– Я не знаю! – уже почти заныл Шихтли.

«Если жрецы способны повторить выстрел... или взрыв, или что это там было – то Тольтекатлю точно конец! Его надо спасать! Сначала спасать и прятать, как меня, а потом уже думать, что это за сосуд у них такой».

– Тлакатель, Тлатольчи, мне надо повидаться с Ичтакауэкой! Срочно!

– Но высокородного нет в городе, – развел руками Человек.

– А где он?

– Благородный Ичтакауэка не отчитывается перед нами.

«Блин! А если...» – черт, этот герой-мечтатель мог лично рвануть на помощь Тольтекатлю. В самый опасный момент!

Я три дня не находил себе места. Пока, наконец, в тайном святилище не появился княжич. Усталый, но довольный, чего при всем желании не мог скрыть.

– Есть новости? – настороженно спросил я.

– Неутешительные, – театрально вздохнул Ичтакауэка. – Народ Уэшотцинго день и ночь валялся в пыли перед храмом Камакстли, вымаливая у бога прощения. А тайные воины жрецов окружили дворец. Когда они, наконец, решились ворваться туда, то кроме слуг и рабов внутри никого не оказалось. Тольтекатль бежал.

– Куда? – спросил я, пристально глядя в глаза княжичу. Почти уверен, что наш юный герой приложил к этому руку!

– Неизвестно, – еще более неискренне вздохнул шикаланк. Гаденыш!

– Высокородный! Нужно приложить все силы, чтобы скрыть Тольтекатля! Чтобы до него не добрались астеки!

– Согласен. Но что мы можем сделать?

Прямо выбесил меня! По счастью, приближалось время очередной свиданки с моими четланами. На этот раз «на рандеву» пришел только Серый. Грустный и печальный. Поинтересовавшись для порядка, всё ли хорошо у наших, и получив утвердительный ответ, я перешел к делу. Кратко пересказал события, перепахавшие Уэшотцинго. Что-то Вапачиро слышал и без меня, все-таки шум был большой, но я сакцентировал внимание друга на самом важном.

– Нужно всё хорошо разузнать. Скажи, Конецинмайле, что я посылаю его в Уэшотцинго. Лучше него никто не справится. Пусть побродит по городу, пообщается с местными. Нужно узнать, куда мог скрыться Тольтекатль. Но самое главное: надо собрать сведения про загадочный сосуд жрецов. Всё, что можно: как выглядит, что за огонь из него исходил, сколько раз? Еще пусть узнает, не было ли среди жрецов новых, неизвестных людей? Может быть, странно одетых, странно говорящих... – я помялся, но все-таки добавил. – Может быть, с волосами на лице.

Серый изумленно изогнул брови.

– Это как у Тлакатля?

– Возможно. Или гуще. Гораздо гуще и по всей нижней части лица.

– Я передам, владыка, – кивнул Вапачиро. А потом, не удержавшись, улыбнулся. – Я знал, что ты рано или поздно не удержишься!

И беспардонно быстро выскочил из комнатки. Я же растерянно хлопал глазами: вот это что сейчас было?

Разведанных долго ждать не пришлось, хотя, каждый день ожидания внезапно стал для меня мучительным. Но где-то через недельку служка передал мне записку от Дитя Голода. Ночными знаками тот мне сообщал, что уже вернулся и готов всё рассказать. Я тут же стал требовать «аудиенции», но это растянулось еще на несколько дней. Вот так с неудовольствием обнаружил, что, оказывается, не я решаю, когда мне можно повидать своих людей.

Но все-таки мы встретились.

– Я не слишком тебя порадуя, владыка, – развел руками Конецинмайла. – Про Тольтекатля никто говорить не хотел. Уэшотцинки слишком напуганы. Но он точно убежал. Куда – это вопрос. Говорят, что тлатоани скрывается у чальков. Правда, я этому не очень верю.

– Да, я тоже! Чальки... это, конечно, буйное племя, но они давно уже подчиняются Теночтитлану. Крайне ненадежное укрытие.

– Но это всё, что я смог услышать. А со странным сосудом другая ситуация. Вот про него говорят все и охотно... Только все – разное. Ощущение такое, что все жители города лично видели эту штуку. Говорят уверенно. Только у одних это небольшой каменный сосуд, у других – вообще здоровенная тыква! Кто-то утверждает, что сосуд тащили помощники верховного жреца, а другой – тут же, прямо при первом рассказчике – заявляет, что главный нес его на своей голове. А уж что про заклинания и песнопения говорят!

– Ну, это меня мало интересует, – отмахнулся я от дикарских суеверий. – Что по количеству... вспышек?

Дитя Голода виновато пожал плечами.

– Никто не знает. Может быть, одна, может, несколько. Но я точно выяснил, что сосуд был только один день. Когда пламя перепугало и разогнало народ, жрецы быстро упрятали его в недра храма.

«Блин, да что же это за странная вундервафля?! – у меня просто мозг кипел от любопытства. – Аркебуза какая-нибудь, случайно завалившаяся? Что-то местное? Или, правда... магия?».

– А по людям что? Незнакомым и отличным от местных.

– Уэшотцинго – большой город. Кто-то постоянно видел странных людей. Кто-то и меня таким посчитал. Но среди жрецов подозрительных людей не замечали. А уж по твоему описанию – с волосатыми лицами – точно никого.

Мало информации. До обидного мало. Даже пытливый Дитя Голода особо свет не пролил. Хотя, по крайней мере, можно сделать вывод, что это не плод коллективной фантазии. Что-то было. Но, даже, если какое-то секретное оружие у жрецов есть, они его не могут (или не решаются) использовать регулярно.

– А что вообще в городе творится? – уточнил я.

– Жрецы торжествуют. По городу ходят процессии, грешники каются, их очищают. За плату. Обильные жертвы, кровь льется рекой. Но в Уэшотцинго есть еще немало сторонников тлатоани. Они перепуганы и таятся, но они есть. Хотя, конечно, сейчас жрецам никто поперек слова не говорит.

– А кто во дворце сидит?

– А вот это самое забавное, – улыбнулся Дитя. – Никто. Ранее говорили, что жрецы хотели власть передать богобоязненному племяннику прошлого тлатоани. Но сейчас, они так уверовали в свою силу, что вообще не провозглашают нового правителя. Не говорят прямо, что тлатоани не нужен, но о церемонии посвящения даже речь не заводят. Храм Камакстли полностью управляет городом, решает все дела.

Конецинмайла подумал и добавил.

– Но во дворце кто-то обитает. Помимо слуг, конечно. И поговаривают, что эти кто-то – астеки. Что за астеки: шпионы, воины, жрецы – неясно. Только горожане дворец стороной обходят.

Я вздохнул и закрыл глаза. Кажется, не зря в голове моей бродили конспирологические теории. Похоже, астеки решили переустроить жизнь в восточной долине. Атлишко отбился, благодаря помощи Уэшотцинго. А вот уже Уэшотцинго не смог. Более хитро, но Теночтитлан втянул город в свою орбиту. Кто следующий? Я бы на месте астеков выбрал Чололлан. Тут ситуация тоже весьма нестабильная: можно загрести жар чужими руками и вывести из уравнения самый большой альтепетль восточников. И тогда останется одна Тлашкала. Одна – против всей астекской империи.

Кольцо врагов сжимается. Астеки медленно, но неуклонно подбираются. Всё ближе и ближе подбираются ко мне. К моему убежищу. Такому удобному...

Значит, надо их не пускать. И бить первым.

Глава 12

– Сегодня задавать вопросы буду я.

Держа трубку в руках, я на мгновение почувствовал себя товарищем Сталиным. Стало приятно. А затем – неприятно от осознания этой приятности. Потом я подумал, что местное трубочное зелье сильно стимулирует бессмысленную рефлексию.

«Надо собраться» – я мысленно вмазал себе пощечину, благоразумно отложил трубку и собрался с мыслями.

– Во-первых, скажите мне: есть ли шанс, что тлатоани Попокаитцин проживет еще, хотя бы, полгода?

– Как такое предсказать? – развел руками Тлатольчи. – На всё воля богов...

– Есть, – внезапно прервал своего господина Человек. – Старый тлатоани еще довольно крепок и здоров для своих лет. Хвори, терзающие его, позволяют ему жить достаточно долго. Конечно, он может подцепить опасную болезнь... или еще что-нибудь случится...

Я жестом заставил смолкнуть чересчур понятливого жреца.

– Ясно. Значит, полгода есть. Теперь ты, Ичтакауэка, – обратился уже к юноше. – Подумай и скажи мне: ты хочешь стать князем Чололлана?

Княжич вскинулся. Увидел, что я совершенно серьезен. Задумался – и кивнул.

– Чувствуешь ли ты в себе силы для того, чтобы управлять городом?

– Да, – тут уже юноша был более уверен. – Во мне течет кровь моих предков – властителей этого города. Меня готовили.

– И еще вопрос: что ты будешь делать с астеками, когда станешь тлатоани?

– Ты хочешь, чтобы я начал войну с ними? – ответил вопросом на вопрос Ичтакауэка.

– Сейчас спрашиваю только я.

– Хорошо. Я много слушал тебя, Хуакумитла. И многое понял. Тобой, конечно, правят страхи. Но во многом ты прав: астеки очень опасный враг. Подчиняться им нельзя, но и лезть пузом на копьё – тоже не стоит... Если я стану тлатоани, то начну сколачивать союз в восточной долине. Они бьют нас порознь, но, если мы объединимся...

Я кивнул. Лучшего ответа и быть не могло.

– Рад, что мои слова проросли в твоём сердце. Но важно объединить не только долину. Сам Чололлан нуждается в сплочении. Слишком много сил раздирает ваш город на части. Как и Уэшотцинго. Как и Тлашкалу, где вожди четырех альтепетлей постоянно конкурируют за верховенство. Сдается мне, что это всё не случайно. И за каждой такой грызней стоит рука Теночтитлана. Только Атлишко выглядит цельным альтепетлем. Жаль, что он слишком мал для объединения всей долины... – но это меня уже куда-то понесло.

– Слуги Укрывшегося Бога, готовы ли вы поддержать в этом Далекую Тайну?

На этот раз Тлакатль молчал и тактично ждал, что скажет верховный жрец.

– Ичтакауэка – истинный последователь Бога в Себе. Я был бы счастлив видеть его тлатоани нашего великого города.

– Я не так задал вопрос, – мягко, но настойчиво вернул я старика в нужное мне русло.

– Чем могут помочь слабые слуги бога, который покинул нас?

– Смогут.

– Если это в наших силах, мы непременно поможем высокородному Далекой Тайне.

– Что ж, пока мне этого хватит, – я невольно потянулся к трубке, ибо сложно было решиться на следующие слова. Слова, отрезающие путь к отступлению.

– Я хочу помочь вам захватить власть в Чололлане. Более того, только это сможет нас всех спасти. Ибо грянут перемены, которые поломают жизнь каждому... Но я пока не могу

вам сказать, что и как нам нужно сделать. Для начала мне нужно повидать своих людей – они сильно помогут нам добиться успеха.

На этот раз волокиты со «свиданкой» не было. Уже через день, во внешнем маленьком храме я встретился с Вапачиро и Черным Хвостом.

– В Чололлане называют проблемы, – сразу перешел я к делу. – Грядет смена власти, и, похоже, новые властители будут весьма дружелюбны к астекам.

И я вкратце изложил расклад сил в городе. Рассказал о бездетном старике Попокаитцине с дружественным ему храмом Тлалока, чололтекском вожде Белой Рыбе, опирающемся на махину храма Кетцалькоатля. И об одном амбициозном, но неавторитетном юноше, который пока опирается на еще менее авторитетный культ Ушедшего Бога. Плюсом этого культа было лишь то, что его никто не замечал.

– В общем, мы должны эту власть перехватить. И сделать это надо быстро, в удобный нам момент. И, по возможности, тихо. В идеале – сняв всего лишь одну, но самую важную голову.

– Ты хочешь убить Амилотля-Рыбу? – спросил Черный Хвост.

– Нет, друг. Вместо этой головы быстро вырастет другая. Я хочу убить Попокаитцину.

– Но зачем? Разве тогда Амилотль не заберет власть в свои руки?

– Убить надо тлатоани. Но сделать это должны чололтеки.

Черный Хвост только выдохнул ошарашенно. Кажется, я засыпал парадоксами этого прямого парня. А вот Серый ухватил суть.

– Или люди, которых все примут за чололтеков.

Я улыбнулся. Одними губами.

– Вапачиро, сможешь ли ты отобрать людей, а потом обучить их искусству тайной вылазки, хитрой засады и стремительного боя?

– Могу, владыка. Но дай мне высказать свои соображения.

– Конечно.

– Каждый новый боец тайного отряда – это угроза провала. Чем больше группа – тем выше вероятность ее раскрытия.

– Ты хочешь сказать, что самая идеальная группа...

– Это один человек, владыка.

– На себя намекаешь?

Вапачиро только кивнул с легкой улыбкой.

– А справишься в одиночку?

– Не знаю, владыка. Нужно разузнать, как живет тлатоани, как его охраняют, что там за места вокруг. Но одному точно будет легче, чем десятку.

– Этим мы займемся. Но как же все поймут, что убийство совершил чололтек? Ведь главная задача одиночки – остаться незамеченным.

– По оставленным следам.

– Значит, этим и займемся. Но тайный отряд всё равно надо создать. Я потом скажу, для чего. Черный Хвост. Для тебя тоже есть важная работа. Нужно будет сделать войско из пустоты.

... Давно мы так не беседовали! Со времен жизни в Эхутле. Кажется, вечность прошла с тех пор... Хотя, она и прошла. Набросав схематический план действий, я потребовал нового «курительного совещания». Старшие жрецы и княжич явились уже наутро. Даже не притронувшись к трубке (хотя, уже тянуло) я начал «планерку».

– Шаткое равновесие Чололлана покоится на жизни тлатоани Попокаитцины. Крупные храмы, знатные семьи – все тянут на себя. Но, едва старик перестанет дышать, все поделится на две группы. Либо это сторонники Амилотля и дружбы с астеками, либо сторонники тлашкальтекского... – я едва не сказал «варяга». – Тлашкальтекского чужака и вражды с астеками.

– Ты считаешь, надо примкнуть к Тлашкале? – спросил Человек.

– Это будет наш запасной вариант. Но в описанной мной системе есть одно важное обстоятельство, которое поможет стать высокородному Ичтакауэке третьей силой и претендентом титул правителя.

Все потянулись ко мне.

– Это случится, если Далекая Тайна – и только он один – будет знать, когда и как умрет старый тлатоани.

– Как же я это узнаю? – опешил княжич.

– Мы сами его убьем. Тогда мы и будем знать.

Как ни странно, но жрецы отреагировали на это совершенно спокойно. Мой будущий ставленник вспыхнул, но нашел в себе силы промолчать.

– Сейчас мне нужно много ваших глаз и рук. Я хочу узнать, где и как живет Попокаитцин, куда он ходит, кто и как его охраняет. Пока это происходит, в горах мой человек будет готовиться к убийству. Поверьте, это величайший воин из тех, что я видел. Он не знает поражений. Этот человек уже обучил немало моих воинов и обучит твоих, Ичтакауэка. Отбери около сотни самых сильных и ловких, отправь их в горы к моим людям. Их научат искусству тайного и явного боя. И это нам понадобится.

– Допустим, твой человек убьет тлатоани, если тому поспособствуют боги, – молодой жрец выглядел хмуро. – И высокородный Далекая Тайна будет об этом знать. Как это поможет ему стать тлатоани?

– Это не все условия, Тлакатль. Мой человек убьет Попокаитцина в самый подходящий момент – когда в Чололлане будет совсем мало воинов-чололтеков. И, наоборот, когда все люди Ичтакауэки будут в городе, у него под рукой.

– А это нам как узнать?

– Мы не будем гадать, – улыбнулся я. – Мы это сделаем сами. Дело в том, что в нужный день банда тлашкальтеков с севера нападет на дальние земельные угодья Белой Рыбы. Это будут наши люди – и мне нужно, чтобы вы собрали побольше одежд, которые носят в Тлашкале. А также нашли надежного проводника, который укажет нужные владения.

Наконец, глаза княжича тоже начали разгораться. Набеги – это ему по сердцу.

– Разбойники нападут, Амилотль пошлет воинов защищать свои богатства. А в это время Ичтакауэка незаметно стянет в город всех своих людей...

– Ты хочешь устроить резню в городе? – изумился старый Тлатольчи. – Ты ведь сам говорил, что нужно сплотить город.

– Не спеши, благочинный, – вежливо приостановил я жреца. – Я еще не всё сказал. Человек, который убьет беднягу-тлатоани, оставит на месте следы. Следы, которые неопровержимо подтвердят, что Попокаитцина убили чололтеки.

– Какие следы?

– Украшения... Оружие... Не знаю еще. Но вашим людям надо собрать побольше таких вещей, которыми пользуются люди Амилотля.

– Собрать?

– Украсть, – прямо в лоб заявил я растерянным шикаланкам. – И вот здесь, Ичтакауэка, ты должен попасть во дворец одним из первых. Причем, вместе с верховным жрецом Тлалока.

– Как?! – изумился княжич.

– Думай. Я вашу жизнь еще плохо знаю. Но вы должны увидеть павшего тлатоани, увидеть следы чололтекского убийцы. Чтобы, даже если тлашкальтеки захотят это скрыть – им не удалось. Ведь есть ты. А рядом есть твое могучее воинство.

Я перевел дух.

– В тот же день ты должен объявить народу о коварном поступке Белой Рыбы. И заявить, что сам восстановишь справедливость. Ты поведешь своих людей – тех, что мы обучим и всех

остальных – на владения Амилотля и захватишь их. Это надо сделать до того, как посланные на север чололтекские воины вернутся.

Княжич хмурился. Воцарение выходило совсем не таким красивым, как ему казалось.

– Но это не всё, – добил я парня. – Белая Рыба и его сторонники так просто не сдадутся. Не исключено, что они постараются поднять на бой народ. И в этом случае ты должен быть готов поднять шикаланков. У тебя будут подготовленные люди, которых знают и уважают обычные общинники. Отбери этих людей заранее – несколько десятков человек. Их тоже обучат. Только другой мой человек – Черный Хвост. Мой военачальник. Он создал Черное войско. Воевал с ним в Четландии против пурепеча. Он водил войска в земли толимеков и чумбиа, сражался в Эхутле и Миуатлане. Он сможет быстро подготовить хороших командиров.

Пока людей готовят, закупай оружие. Устрой несколько тайных складов в городе. В случае восстания – вооружишь этим оружием шикаланков.

– Раздать оружие крестьянам? – изумился княжич. – Зачем?

– Так это и обеспечит победу в случае столкновения! – возвысил я голос, возмущенный тем, что местные упорно не понимают такой простой мысли. – Если тысяче шикаланков дать тысячу хороших копий, пять сотен щитов, защиту какую-никакую... Если их организуют опытные командиры – они легко разгромят и две и три тысячи таких же крестьян, идущих толпой с дубьем в руках!

Ичтакауэка продолжал смотреть на меня с сомнением. Для этого аристократа воины – это были воины. А крестьяне – покорное быдло. Неспособное понять, за какой конец копьё держать. И в чем-то он был прав. Пускать даже наспех обученных крестьян против испытанных в боях воинов – смерти подобно. Но в столкновении народ против народа – экипировка может решить исход. Экипировка и организация. Чем и займется Черный Хвост.

– Но исход конфликта не они решат, – продолжил я свою речь. – Обученные воины помогут тебе захватить Амилотля. Вооруженные крестьяне помогут продержаться несколько дней. А затем к Чололлану должна подойти помощь. Ибо ты, Далекая Тайна, сразу после убийства тлатоани отправишь гонца в Атлишко за помощью. А тлашкальтеки (не сомневаюсь) пошлют такого же гонца к соплеменникам на север. И, если мы сделаем всё правильно, если ты, высокогородный, выступишь защитником последних – никто не усомнится в твоём праве на власть. А гарантом этого права станут твои войска, контролирующие город, и отряды из Атлишко. Останется только убедить тлашкальтеков, что ты, как союзник, им выгоднее, чем, как противник. И найти среди чололтеков того, кто согласится с тобой сотрудничать после твоей победы.

– Думаешь, это так легко, Хуакумитла? – усмехнулся Человек.

– Думаю, да. Среди благородных чололтеков наверняка найдутся те, кто считает, что занимает незаслуженно низкое положение. И им можно предложить возвышение. Кому-то достаточно дать земли, которыми владеет Амилотль.

Несколько часов шла наша планерка. Мы долго и тщательно обсуждали каждый пункт этого многоходового плана. На каждую задачу я требовал ставить ответственного исполнителя, объяснял, как планировать прогнозируемые результаты, как поэтапно отслеживать их исполнение.

Жрецам пришлось выделить мне несколько помощников для того, чтобы аккумулировать всю собираемую информацию. В подземном святилище сформировался штаб по подготовке переворота. Ежедневная связь с моими людьми стала необходимостью. Каждое утро я отсылал им пакет задач, они же писали мне отчеты об исполнении. Через каждые несколько дней мы вживую встречались во внешнем храме, где проводили рабочие планерки. Правда, я запретил приходить Серому. Он не должен появляться в городе, чтобы никто, даже случайно не запомнил его в лицо.

Один раз было сделано исключение. Когда я уже составил план города, наметил основные направления для ударов, места для складов с оружием, узловые точки, которые нужно

захватить – я вызвал Вапачиро. Вечером, нарядившись кающимися жрецами, вымазав лица в красном, мы с ним пару часов околачивались неподалеку от дворца тлатоани. Серый заочно уже знал о том, как и где жил Попокаитцин, кто и как его охраняет, имел детальное описание внешности тлатоани. Но оценить возможность нападения он мог только лично.

Во время подготовки особое внимание я требовал уделить сохранению тайны. Людей, которых княжич отобрал для обучения у Вапачиро, в город не отпускали. Такое же ограничение распространялось и на тех, кого учил Черный Хвост. Последних собирали буквально поштучно. Ичтакауэка лично находил в Чололлане шикаланков, которые пользуются авторитетом среди общинников и верны княжичу. С каждым проводил беседу, не раскрывая всех планов, а потом – нанимал и уводил в горы. Примерно три десятка таких крестьян поступали в распоряжение Хвоста, у которого появилась необычная задача.

– Тебе нужно обучить их азам строевого боя, – наставлял я своего генерала. – Но главное не это. Пробуди в них лидерские качества! Научи каждого, как собрать толпу и как сделать из них отряд. Как построить людей, не знающих своего места в строю. Как не дать им обратиться в бегство перед врагом. Как вдохновить на битву.

Черный Хвост понимающе кивал.

– Сколько у меня времени?

– Рассчитывай на две двадцатки дней.

Мой генерал только сокрушенно качал головой. Но даже не пытался спорить.

Еще не менее сотни людей выполняли самые разные задания. И я заставил княжича и жрецов организовать всё так, чтобы никто из них не знал друг о друге. И особенно – об итоговой цели всех наших телодвижений. Наблюдатели за Амилотлем и Попокаитцином считали, что их наняли астеки. Скупщики оружия ездили за копьями, маками и щитами в Чалько, Куанауак и даже в Техуакан. Брели небольшими партиями, чтобы не вызвать подозрение. И даже они думали, что покупают его для отдельных общин шикаланков, которые напоказ стали ссориться друг с другом из-за межей на земле. Кое-что в своих плавильных печах делали Воронов Волос с Хадани. Но, конечно, им удалось сделать совсем немного оружия.

Ичтакауэка съездил в гости к своему родичу – тлатоани Атлишко. Там они в деталях вспомнили славную битву с астеками. Юноша заверил правителя, что, если ситуация повторится – он обязательно придет на помощь снова! И невзначай поинтересовался: а поможет ли Атлишко ему, если... ну, например, астеки подойдут к Чололлану. Разгоряченный напитками тлатоани заверил, что сразу вышлет войска на помощь родственнику. А нам это и надо было.

Дни и ночи в моем подземелье, наконец, стали не тянуться медленной черепахой, а нестись атакующим ягуаром. Я ставил галочку за галочкой в нашем списке задач. Но до конца выполненным такой список не будет никогда. Я знал это. Знал, что всегда возникнет желание сделать что-то еще, что-то дополнительно улучшить, где-то дополнительно подстраховаться...

Нажать на курок стартового пистолета в такой ответственной операции очень страшно. Разум невольно стремится оттянуть, отсрочить этот момент. Именно поэтому я дал себе четкий дедлайн – три местных месяца. За два дня до окончания срока, я собрал у себя заговорщиков.

– Пора.

Глава 13

В захвате власти приняли участие практически все мои люди. Куитлатек Вочтуиката идеально подошел на роль командира разбойников. Он требовал, чтобы с ним пошли «его братишки», но я запретил. Отмеченная Спина слишком приметен, а бандиты должны быть безликими. Хадани же – один из двух оставшихся у меня мастеров. Это даже не на вес золота. Это намного, намного дороже.

Двадцатка поддельных «тлашкальтеков с севера», ведомая надежным проводником-крестьянином, ночью дошла до богатой общины-кальпулли на полпути к Уэшотцинго, вся земля которой давно была поделена между родом Белой Рыбы и храмом Кетцалькоатля. Местные крестьяне уже несколько поколений работали на высокородных хозяев, хотя, когда-то земля считалась общинной.

«Атакуйте с севера, – наставлял я главного диверсанта. – Жгите, грабьте, но людей особо не трогайте. Уходите тоже на север. Заметайте следы. Потом поменяете тлашкальские одежды и через Уэшотцинго возвращайтесь домой».

Судя по тому, что уже через два дня отряд чололтеков сотни в три человек запылел на северо-запад, диверсия удалась. Наблюдатели, следившие за усадьбой Амилотля, тут же сообщили Ичтакауэке; тот отослал донесение в «штаб» – и я «активировал» Вапачиро. Мой «киллер» прятался в Чололлане уже второй день. Получив отмашку, он двинулся ко дворцу старого тлатоани. Мы не планировали однозначно, где именно совершится убийство, потому что не знали точное время. Серый прикинул несколько возможных вариантов. Лучше всего было дожждаться ночи, но у нас был цейтнот: пока не вернется карательный отряд. Учитывая дорогу, преследование разбойников, я рассчитывал не меньше, чем на пару дней. Однако за это время нужно было не только совершить убийство, но и «раскрыть» его и (в идеале) захватить Белую Рыбу. А значит, ночь – не самый лучший вариант, так как обнаружить труп могут только на следующий день. Куча времени будет потеряна.

Вапачиро тоже переделся. Но в обычного крестьянина. Уже в возрасте, не слишком здорового, которого «крайне тяготил» заплечный мешок. А вот в мешке уже хранился приметный чололтекский нож с узнаваемым орнаментом на рукояти и нарядная нагрудная пектораль из бисера с охранными знаками того же племени. В заранее намеченном месте Серый перебрался через высокий глиняный забор, ограничивающий большую дворцовую зону, и затаился в парке (у тлатоани был целый маленький парк!). Всё случилось, когда старик направился помыться в свой личный темескаль. Его медленное передвижение помогло Вапачиро опередить Попокаитцина. «Киллер» успел вырубить банщика и занять его место. По счастью, из сотен детективов мы знаем, что никто не смотрит на лица официантов, уборщиков... и банщиков.

Пока личный слуга разоблачали тлатоани, Серый подобрался к немногочисленной страже и вырезал ее. Слуга успел закричать, но зато не смог убежать. Вернее, не стал, до последнего прикрывая своего господина. Правителя мой телохранитель задушил – так было нужно для легенды. Затем он вложил в скрюченные пальцы старика разодранную пектораль – как будто тот боролся с убийцей и вырвал ее. Переломил обсидиановый клинок ножа, вставил острие в рану слуги, а рукоятку закинул в ближайшие заросли.

Теперь осталось только выбираться. На последний крик слуги уже сбежали дворцовая челядь и охрана. По счастью, рядом был забор. Только вот за ним находилась людная улица. Этот вариант Вапачиро приберет на крайний случай, потому что на той стороне на него сразу обратят внимание – и начнется погоня. Погоня это плохо – ведь преследователи могут догадаться, что убийца никакой не чололтек. А это крах всего плана.

Серый сунул руки в рану одного из стражей, вымазал кровью лицо. Затем подхватил бадью с водой и кинулся прямо навстречу бегущим, зажимая свободной рукой несуществующую рану на лице.

– Там! Там! Они убегают! – испуганно кричал он воинам, стараясь, чтобы его наутль звучал без акцента.

Тлашкальтеки помчались к бане, а «охваченный ужасом» «водонос» Вапачиро – совершенно в другую сторону. Добравшись до парка, он старательно отмыл кровь водой из бадьи, пробрался к забору в уже знакомом тихом месте и тихонько перебрался через него. Ему осталось последнее: дойти до условного места и припасенным угольком нарисовать на стене большую жирную галочку.

Это я предложил: если галочка – убийство удалось, если косой крестик – то не вышло. За стеной постоянно наблюдал человек княжича, который тут же бросился к своему господину.

Теперь начинал действовать Ичтакауэка. В день Хэ он загодя разместился в самом центре Чололлана с двадцаткой охраны. Достаточно далеко от дворца, чтобы его не заподозрили, но и достаточно близко, чтобы оказаться там одним из первых. Узнав от соглядатая, что «шалость удалась», он тут же разослал часть людей – потихоньку поднимать войска. Каждый отряд заранее знал, куда ему выдвигаться. Правда, эту информацию командиры получили только прошлым вечером. Сам же княжич с остальной свитой переместился так, чтобы оказаться между дворцом и храмом Тлалока.

Как мы ни бились, но так и не придумали, под каким предлогом Ичтакауэка мог бы зайти к верховному жрецу Тлалока в гости и позвать его во дворец. Все варианты выглядели предельно нереализуемыми и подозрительными. В итоге решили просто подстроиться под ситуацию. Жрец Ишайотль – покровитель тлатоани. Разумеется, ему сообщат о гибели старика одному из первых. И он, конечно, поспешит увидеть всё своими глазами. А Ичтакауэка просто окажется у него на пути и присоединится. Все-таки член городского совета.

Более-менее удалось.

Убийство совершилось уже час назад. Дворец гудел, паника, как медленная взрывная волна расходилась вокруг него широким кругом. Даже не знай княжич обо всем – он мог бы заметить нездоровое волнение. Ишайотль верхом на паланкине легкой «рысью» спешил к месту убийства. Ичтакауэка кинулся ему наперерез, поприветствовал, выразил понятное беспокойство и принялся «падать на хвост». Правда, жрец упорно не хотел брать с собой упертого шикаланка. Увы, никто не мог запретить княжичу идти следом за верховным слугой Тлалока.

Так что на месте преступления они уже оказались вместе. А тут – бездыханное тело, лужи крови, зареванные слуги и хмурые тлашкальтекские стражи, сжимающие в руках легко опознаваемые пектораль и обломки ножа. Жрец в панике! Возможно, ему удалось бы замять ситуацию, но Ичтакауэка не дал. Осмотрев «улики», он тут же озвучил то, о чем подумали все: Попокаитцина убили чололтеки! Чололтеки решили захватить власть!

Ишайотль, может, и хотел бы возразить, но он видел, как хмуρο и молчаливо соглашаются тлашкальтеки со словами княжича. Люди тлатоани жаждут крови и мести.

А в это время ко дворцу уже подходили первые сотни воинов шикаланков.

Наверное, при наличии мозгов, можно было заподозрить, что слишком много совпадений случилось за короткое время. Но для этого надо находиться в тишине и покое. Взвешенно проанализировать ситуацию. Тогда как во дворце царили гнев и смятение. Никто ничего не понимал. Кроме одного человека. Который тут же уверенно заявил, что за убийством может стоять только один человек.

Амилотль Белая Рыба. Единственный, кто претендует на место тлатоани. И не скрывает этого.

– Он сам подходил ко мне и просил поддержать его в совете... если что случится! – яростно и убедительно кричал Ичтакауэка собравшимся.

Этому его тоже учил я. Чтобы ложь казалось убедительной, в ней должна быть большая доля правды. А Амилотль к юноше действительно подходил. И нескромные предложения делал. Вот на это княжич сейчас и напирал. Потому-то все чувствовали искренность его слов.

Через некоторое время из дворца вышел уже большой отряд: более сотни воинов-тлашкальтеков и почти триста шикаланков. Но это были не все силы князя. Часть его воинов, как раз те, кто обучался в горах – уже кружили вокруг усадьбы Белой Рыбы. Это были люди, которых специально обучали внезапным атакам, захвату зданий, боям на узких улицах. Среди них было больше десятка моих людей. Отдельными группами руководили Отмеченная Спина и Дшанластоо. За прошедшие месяцы в горах удалось худо-бедно подготовить около трех десятков лучников – и это было наше главное секретное оружие.

Усадьба Амилотля располагалась в районе, где жили чололтеки. Поэтому здесь действовать следовало осторожно. Отряды шикаланков вели себя неприметно, аккуратно, простых людей не трогали, но всех воинов, что шли в сторону усадьбы, старались задержать. Внутри, по нашим прикидкам оставалось не больше пары сотен подготовленных воинов. Но в самом Чололлане находилось, наверное, вдвое большее количество чололтекских подготовленных бойцов. Только все они были разрозненны, кто-то просто находился у себя дома. Важно было не дать им собраться в кулак, пока не подойдет Ичтакауэка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.